LES CONSPIRATEURS EN FRANCE
par Tschernyschewsky.

ЗАГОВОРЩИКИ

и

СОУМЫШЛЕННИКИ ЛЮДОВИКА БОНАПАРТЕ

въ 1851 году

ЦБ 20
4 518

Изложеніе по Кинглеку

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

СЪ ЕГО ПРИМѢЧАНІЯМИ

Характеристика лицъ, учавствовавшихъ въ эпоху
1848-1851

Не изданная рукопись

GENÈVE
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-ÉDITEUR
68, rue du Rhône, 68
1890

4 бит
0 ф.

ЦБ 20
Ч 518

ЗАГОВОРЩИКИ

и

СОУМЫШЛЕННИКИ ЛЮДОВИКА БОНАПАРТЕ

въ 1851 году

Изложеніе по Кинглеку

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

СЪ ЕГО ПРИМѢЧАНІЯМИ

Характеристика лицъ, учавствовавшихъ въ эпоху
1848-1851

Не изданная рукопись

4 экз.

GENÈVE
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-ÉDITEUR
68, Rue du Rhône, 68
1890

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.

К.

ЦБ 20
Ч 518

177
82

24 11251 у

2011

У/В

РАЗСКАЗЪ О КРЫМСКОЙ ВОЙНѢ

(ПО КИНГЛЕКУ)

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ

Когда я началъ читать книгу Кинглека The invasion of the Crimea, я былъ увѣренъ, что найду въ ней много любопытнаго, но не ожидалъ, что она окажется заслуживающею того, чтобы близко ознакомить съ нею русскую публику.

Кинглекъ былъ близокъ къ Лорду Раглану; самъ находился въ Крыму; уже въ то время задумалъ быть историкомъ этого похода; по смерти лорда Раглана, его супруга передала Кинглеку всѣ бумаги своего мужа; это собраніе документовъ и корреспонденцій очень полно: лордъ Раглань былъ человѣкъ акуратный и добросовѣстный. Кинглекъ увѣренъ, что въ переданной ему колекціи сохравено все, отъ важнѣйшаго и секретнѣйшаго документа до ничтожнѣйшей записки, — рѣшительно все, что поступало

въ канцелярію и въ кабинетъ англійскаго главнокомандующаго. Самъ Кинглекъ обращался съ вопросами ко всѣмъ лицамъ въ Англіи, отъ которыхъ надѣялся получить поясненія по предмету своего труда; получилъ такимъ образомъ множество свѣдѣній, въ дѣльности и добросовѣстности которыхъ вполнѣ убѣжденъ. Даже иностранцы доставляли ему много матеріаловъ; между прочимъ, французское правительство нарочно прислало въ Англію одного изъ лучшихъ офицеровъ французской арміи, чтобы дать всѣ возможныя полуоффиціальныя свѣдѣнія Кинглеку. Притомъ Кинглекъ одинъ изъ важныхъ людей торійской партіи; всѣ свѣдѣнія, которыми располагали его политическіе друзья, были предоставлены въ его распоряженіе. Кромѣ того, англійскіе архивы не имѣли для него никакихъ секретовъ. Онъ одинъ изъ людей, имѣющихъ наиболѣе свѣдѣній по дипломатическимъ дѣламъ: часто лично онъ получалъ свѣдѣнія о такихъ фактахъ по континентальной политикѣ, которые еще были неизвѣстны даже англійскому министерству. Все это обѣщало, что его книга будетъ богата новыми и достовѣрными матеріалами.

Онъ считается однимъ изъ талантливыхъ англійскихъ писателей. Это обѣщало, что книга его будетъ хороша въ литературномъ отношеніи.

Но я очень мало расположенъ къ торійскому образу мыслей. Потому ожидалъ, что буду смѣяться надъ умствованіями Кинглека въ его исторіи, какъ смѣялся надъ ними въ его парламентскихъ рѣчахъ. Я ошибся. Въ парламентѣ Кинглекъ — тори, и только. Но взявшись писать исторію, онъ очень добросовѣстно исполнилъ обязанность историка. Обязанность историка не въ томъ, чтобы, садясь за свой рабочій столъ, забывать свои убѣжденія, — нѣтъ, дѣлать это глупо и гадко, да и не удается никогда

сдѣлать этого. Но ученый въ своемъ кабинетѣ можетъ возвышаться надъ мимолетными интересами дня, господствующими надъ мыслью публициста или оратора, можетъ заботиться о томъ, чтобы не отвлекаться отъ общихъ, долговѣчныхъ интересовъ своей партіи, ради ея мелочныхъ обыденныхъ надобностей. Кинглекъ старался объ этомъ и, мнѣ кажется, успѣлъ въ томъ до очень значительной степени. Онъ очевидно хотѣлъ, чтобы и чрезъ двадцать, и чрезъ пятьдесятъ лѣтъ тори могли указывать на его книгу, какъ на трудъ, достойнымъ образомъ излагающій мнѣніе ихъ партіи. Эта забота очистила его мысль отъ мелочности, больше всего мѣшающей соглашенію добросовѣстныхъ людей всѣхъ партій въ обыденной житейской политической борьбѣ. Онъ остался тори, но такимъ тори, противъ котораго мало имѣлъ бы возраженій англичанинъ моего образа мыслей. Онъ остался англичаниномъ, но такимъ англичаниномъ, противъ котораго очень мало серьезныхъ выраженій можетъ имѣть серьезный русскій читатель.

Главная заслуга его, по моему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что онъ постарался взглянуть на крымскую войну съ полною серьезностью ученаго изслѣдователя, убѣжденнаго, что чѣмъ болѣе очищаетси истина, тѣмъ выгоднѣе для всѣхъ націй и всѣхъ партій, въ томъ числѣ и для партіи, которую онъ считаетъ наиболѣе основательною. Поэтому ему удалось понять причины и ходъ крымской войны въ такомъ видѣ, ближе котораго къ истинѣ не подхожу и я, хоть я человѣкъ другой націи, а главное — совершенно иныхъ политическихъ убѣжденій, чѣмъ Кинглекъ.

Выскажу здѣсь главный выводъ того отдѣла его труда, который издалъ въ началѣ нынѣшняго года и съ кото-

рымъ я знакомлю теперь русскую публику. По обыкновенному взгляду дюженныхъ статей и оффиціальныхъ документовъ, причины крымской войны выходятъ мелочны до забавности, до пошлости. Не удовлетворительность дѣла принуждаетъ искать, на комъ бы сорвать досаду за него. Винятъ интриганство Пальмерстона, или честолюбіе покойнаго русскаго государя, или зложелательность англійскаго посланника въ Константинополѣ, лорда Стратфорда, или ошибочность дѣйствій русскаго чрезвычайнаго посла къ портѣ оттоманской, князя Меньшикова, или уступчивость Абердина и Росселя Пальмерстону, или уступчивость графа Нессельроде желаніемъ его государя и пр., и пр. „Они“ или „онъ“ виноваты въ томъ, что вышла такая ужасная война изъ за такихъ мелочей,— вотъ общій голосъ. Мнѣ онъ всегда казался нелѣпъ. Я и въ этомъ вопросѣ не хотѣлъ отречься отъ своего убѣжденія, что капризы и ошибки, страсти и недостатки отдѣльныхъ лицъ безсильны надъ ходомъ великихъ событій, что фактъ, подобный Севастопольской войнѣ, не могъ быть порожденъ или устраненъ волею отдѣльныхъ людей; что онъ — результатъ силъ владѣющихъ умами громадныхъ массъ, результатъ убѣжденій и стремленій націй и партій, а ближайшею прямою причиною его долженъ быть другой какой нибудь великій фактъ жизни европейскихъ націй, изъ котораго борьба Россіи съ передовыми державами Европы произошла столь же неотвратимо, какъ событія конца XVIII в. во Франціи изъ предшествующихъ фактовъ западно-европейской жизни, какъ страшное военное могущество Франціи въ началѣ XIX вѣка изъ этихъ событій конца XVIII в., какъ вторженіе западныхъ континентальныхъ военныхъ силъ подъ преобладаніемъ и руководствомъ военныхъ силъ Франціи въ 1812 году произошло

изъ развитія страшнаго военнаго могущества во французской націи. Не Наполеонъ, не его маршалы, не русскіе противники ихъ представляются мнѣ главными силами, дѣйствовавшими въ этомъ фактѣ, называемомъ войною 1812 года. Я вижу тутъ: извѣстное историческое положеніе французской націи, нѣмецкой націи, русской націи и отношенія, не отразимо, не отвратимо возникающія изъ этихъ данныхъ положеній, и результаты, столь же неотвратимо возникающіе изъ этихъ данныхъ отношеній между данными силами.

Такъ я смотрѣлъ и на Севастопольскую войну и находилъ, что она — не болѣе, какъ одна изъ результатовъ, необходимо порождавшихся событіями, сосредоточивающимися въ страшномъ кризисѣ французской національной жизни съ ночи 1—2 декабря 1851 до начала 1852 года. Никто не отвергалъ никогда, что французскому правительству, извѣстному подъ именемъ правительства второй имперіи и прикрывающемуся именемъ Наполеона III, принадлежитъ очень большое участіе въ возбужденіи войны. Но мнѣ страшно и грустно было слышать, какъ мелочно и легкомысленно понимается это участіе: пошлымъ, анекдотическимъ, мелодраматическимъ манеромъ, по которому Наполеонъ III есть великій хитрецъ, геній политическаго искусства, чуть ли не сочетанія всѣхъ талантовъ Юлія Цезаря и Августа Цезаря въ одномъ лицѣ, — геній болѣе геніальный, чѣмъ даже его дядя, который уже самъ по себѣ превышалъ всѣхъ когда либо существовавшихъ великихъ людей своею геніальностію. Мнѣ всегда казалось иное. Я никогда не измѣнялъ тому взгляду на Наполеона III, несомнѣнность котораго была доказана всею его жизнію и дѣятельностью до ночи съ 1 на 2 декабря 1851 г., и когда я слышалъ дифирамбы негодующаго или восторженнаго покло-

ненія ему, мнѣ было смѣшно и досадно, — смѣшно, мнѣ представлялись буряты, поклоняющіеся разгнѣванному на однихъ; осыпающему своими милостями другихъ маленькому пню, правда, обтесанному въ нѣчто сходное съ человѣческою фигурою, но все таки деревянному, безсмысленному и неподвижному. Гнусное идолопоклонство, вредное идолопоклонство, потому что идолопоклонники дурѣютъ и сами отъ этого поклоненія ничтожеству.

Но это ничтожество, этотъ фантомъ есть представитель извѣстнаго положенія французской націи. Представитель того періода ея жизни, когда она въ изнеможеніи отказалась на время отъ заботы о внутреннемъ своемъ развитіи и отдалась подъ власть безцвѣтнаго, грубаго насилія. Ясно было, что ея насилователи должны придумывать ей какія нибудь внѣшнія развлеченія, чтобы она по меньше думала о своемъ позорѣ и нашла себя связанною хоть чѣмъ нибудь съ своими насилователями. Ясно было, что люди, которымъ нужно было дать Франціи роль тигрицы, прежде всѣхъ другихъ занятій порекомендуютъ ей посчитаться съ тою медвѣдицею, которая когда-то погнала ее, полузамерзшую въ нашемъ климатѣ, черезъ всю Европу на ея родину за Рейнъ. Это было понятно всякому, умѣвшему понимать отношенія, существовавшія тогда между великими державами Европы. Но разсказъ объ этомъ будетъ предметомъ слѣдующей статьи, а теперь довольно будетъ высказать только ту часть моего взгляда на дѣло, который оправдывается частью книги Кинглека, вошедшею въ первую мою статью.

„Въ началѣ зимы 1851 г. Франція была еще республикою; но конституція 1848 года не имѣла корней во Франціи“ (1), составилось общее мнѣніе, что (конституція) страна была застигнута врасплохъ революціею 1848 года, была врасплохъ принуждена объявить себя республикою, что монархическая система правленія — единственно удобная для Франціи. Чувство тревожности, происходившее изъ этого мнѣнія, соединялось съ ужасающею боязнью возстаній, подобныхъ тѣмъ, какія, три съ половиной года тому назадъ, наполняли улицы сценами кровопролитія. Людямъ наблюдательнымъ и людямъ боязливымъ казалось, что уже недалекъ и часъ неизбѣжнаго возвращенія анархіи, что онъ опредѣленъ самою конституціею, требовавшею, чтобы весною слѣдующаго года былъ назначенъ новый президентъ; что при тогдашнемъ положеніи дѣлъ и характерѣ французской націи, это дѣло не обойдется мирно, что долгое ожиданіе опасности раздражитъ нервы людей; а французы въ такихъ случаяхъ стремительно бросаются впередъ или отступаютъ, — труднѣе всего имъ хладнокровно стоять, или идти ровнымъ шагомъ, стройно.

Вообще, Франція находила, что лучше всего — вновь мирно выбрать тогдашняго президента, не смотря на правило конституціи запрещавшее это (2); огромное большинство законодательнаго собранія слѣдовало этому мнѣнію, но его желаніе не могло получить силы закона, потому что не имѣло за себя три четвертыхъ доли всего числа голосовъ, а республиканская конституція 1848 года неблагоразумно постановляла, что перемѣны въ ней не могутъ быть производимы иначе, какъ рѣшеніемъ большинства трехъ четвертей голосовъ (3). Дѣйствіе политическаго организма затруднялось этою стѣснительною задержкою, и многіе, вообще наклонные уважать законность,

были принуждены признавать, что конституцію надобно передѣлать безъ уваженія къ ея условіямъ. Но республика была еще далека отъ серьезныхъ взрывовъ. Законъ сохранялъ свою силу, и рѣшимость поддерживать порядокъ, во чтобы то ни стало, была такъ сильна, что собраніе вручило президенту власть объявлять находящимися на военномъ положеніи тѣ департаменты, которые покажутся подвергающимися опасности смутъ (4). Борьба, шедшая въ собраніи, была незначительна въ глазахъ военныхъ людей или любителей деспотической рѣшимости и крутости; но она показывала скорѣе признаки здоровья, чѣмъ опасности для государства. Приверженцы Луи-Наполеона утверждали, будто бы дѣйствія правительства стѣснялись враждебными ему рѣшеніями законодательнаго собранія или рѣчами; это неправда. Еще большая клевета — то, что собраніе занималось составленіемъ умысловъ противъ президента (5). Армія, вспоминавшая свое униженіе въ 1848 году, была въ досадѣ на народъ, рада была воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ дѣйствовать противъ него (6); но не было ни одного генерала съ репутаціею, который согласился бы сдѣлать выстрѣлъ, не имѣя на то приказа отъ военнаго министра, по тогдашнему закону, единственнаго человѣка, который могъ давать уполномочіе на это (7).

Но президентомъ республики былъ принцъ Шарль Луи-Наполеонъ Бонапарте, считавшій себя, по сенатусъ консульту 1804 года, законнымъ наслѣдникомъ императора французовъ. Выборы, сдѣлавшіе его главою государства, были ведены (при управленіи умѣреннаго республиканца Кавеньяка, его соперника по кандидатству на президенство). Со строгимъ безпристрастіемъ, а онъ въ прежнее время два раза дѣлалъ попытки сѣсть на французскій

престолъ, потому имѣлъ право заключать, что милліоны гражданъ, избравшихъ его на президенство, хотятъ воспользоваться его честолюбіемъ для возстановленія монархической формы правленія во Франціи (8).

„Но если онъ успѣлъ выказать свое честолюбіе, которое, можно сказать, было наложено на него обстоятельствами, онъ остался — и это было счастьемъ для него извѣстенъ за человѣка, бѣднаго умомъ. Во Франціи тогда вообще считали его тупымъ. Когда онъ говорилъ, ходъ его мыслей былъ вялъ; черты его лица были пошлы: онъ много учился и думалъ, но его сочиненія не выказали въ немъ свѣтлаго ума, хоть онъ очень усердно обработывалъ ихъ. Даже его приключенія не придали ему интересности, какую обыкновенно пріобрѣтаютъ авантюристы. Когда онъ жилъ въ Лондонѣ, тѣ лондонцы, которые любили собирать у себя людей съ извѣстностью, никогда не представляли его своимъ друзьямъ, какъ серьезнаго претендента на престолъ, — а представляли какъ будто какого нибудь аэронавта, который два раза падалъ съ своего воздушнаго шара, и все таки остался — хоть до нѣкоторой степени — живъ и здоровъ. Онъ полюбилъ англійскія привычки, сталъ хорошимъ псовымъ охотникомъ, любителемъ конскихъ скачекъ. Онъ былъ любезенъ, общителенъ, мягокъ и веселъ, и довольно охотно говорилъ о своихъ дѣлахъ на французскій престолъ. Съ афоризмами о своемъ "предназначеніи" онъ обращался, очевидно по политическому разсчету, къ случайнымъ знакомымъ; но съ своими близкими друзьями онъ говорилъ языкомъ практичнаго претендента на императорскій престолъ.

„Мнѣніе, составившееся о немъ во времена его изгнанія, мало измѣнилось и по его возвращеніи во Францію; въ національномъ собраніи его видѣли человѣкомъ, не

имѣющемъ большого ума, и потому считали его безвреднымъ, а на президентскомъ креслѣ онъ вообще казался вялымъ. Но была горсть лэдей, издавна имѣвшихъ увѣренность, что онъ человѣкъ способный, а въ послѣднее время, наблюдательные люди замѣчали, что между тѣми изъ оффиціальныхъ документовъ, которые, какъ было извѣстно, писалъ самъ президентъ, по временамъ являются такіе, которые вовсе не бѣдные мыслью, и показываютъ, что человѣкъ, писавшій ихъ, отдѣляя себя отъ націи, главою которой былъ, умѣетъ разсматривать ее какъ предметъ холоднаго наблюденія. Долго, безконечно изучая сочиненія Наполеона I, онъ пріобрѣлъ манеру и привычку своего дяди смотрѣть свысока на французскій народъ, считать его просто матеріаломъ, изученіемъ и управленіемъ котораго занимается чужой этому матеріалу умъ. Въ долгіе періоды его тюремнаго заключенія и изгнанія, отношенія между нимъ и Франціею, которую изучалъ онъ, были очень похожи на отношенія между анатомомъ и трупомъ. Онъ читалъ лекціи о немъ, онъ разсѣкалъ его по составамъ; онъ объяснялъ ихъ отправленія; онъ показывалъ, какъ дивна природа, въ своей безконечной мудрости, приспособила это тѣло на службу династіи Бонапарте, и какъ безъ попечительности этихъ Бонапарте оно истлѣетъ и исчезнетъ изъ міра.

„Если его умъ былъ менѣе, чѣмъ какой предполагался въ немъ во время англо-французскаго союза, онъ былъ гораздо выше той тупой ограниченности, какую приписывали ему въ прежнее время, начиная съ 1836 года до конца 1851 г. Люди долго не могли признать ловкости этого ума потому, что наука, надъ которою онъ работалъ, имѣла отталкивающій характеръ. И до него было много людей, унижавшихъ себя до внесенія обмана въ политику;

еще больше людей, трудившихся на менѣе возвышенномъ поприщѣ, прилагали свою ловкость къ дѣламъ, занимающимъ собою суды исправительной полиціи и уголовные; но едва ли кто нибудь изъ людей нашего поколѣнія, кромѣ принца Луи-Бонапарте, проводилъ въ трудолюбивой юности и въ серьезной молодости цѣлые часы и часы, придумывая какъ примѣнить плутовство къ юридической наукѣ. Очень можетъ быть, что не врожденная низость была причиной такого направленія его ума. Наклонность долго, долго сидѣть надъ обдумываніемъ плана для достиженія цѣли была точно уже въ самой натурѣ его; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что отъ самой натуры получилъ онъ наклонность думать именно надъ тѣмъ, какъ дѣлать законъ орудіемъ обмана; родство дало ему эту наклонность, — оно уже несомнѣнно дало ее, если не дала натура. Правда, онъ могъ бы, если бы былъ человѣкъ твердый, отвергнуть указаніе, данное ему случайностью того, что онъ родился именно въ фамиліи Бонапарте; но могъ бы лишь тогда, когда рѣшился бы остаться частнымъ человѣкомъ. А когда онъ рѣшилъ быть претендентомъ на императорскій престолъ, то разумѣется, ему надобно стало обдумывать, какимъ же образомъ грубое Бонапартовское иго 1804 года можетъ быть передѣлано такъ, чтобы мягко положиться на шею Франціи. Франція — европейская держава, а иго въ сущности было такое, какое монголы положили на китайцевъ, — изъ этого слѣдовало, что требуемая передѣлка должна быть просто поддѣлкою, плутовствомъ.

„И такъ отъ требованія своего наслѣдственнаго притязанія скорѣе, чѣмъ отъ врожденной испорченности сердца, принцъ Луи-Наполеонъ сталъ обманщикомъ по ремеслу; ждать отъ него, чтобы онъ былъ невѣроломенъ предъ

Франціею, не отказываясь совершенно отъ своихъ претензій, было рѣшительною несообразностью.

„Цѣлые годы принцъ изучалъ это странное ремесло, и усердно занимаясь сталъ очень искусенъ въ немъ. Задолго передъ тѣмъ, когда пришла ему возможность примѣнить къ дѣлу его крючковатое ремесло, онъ уже научился тому, по какимъ правиламъ составляется конституція, которая на словахъ установляла бы одно, а на дѣлѣ другое. Онъ научился, какъ употреблять, напримѣръ, слово „судъ присяжныхъ“ въ законахъ, отмѣняющихъ его; умѣлъ дѣлать ловушку изъ слова „вотированіе безъ ценза“ (suffrage universel), зналъ, какъ удушить націю ночью посредствомъ фокуса, называемаго плебисцитомъ (9).

Адвокатская изворотливость, которую онъ пріобрѣлъ для юридическихъ работъ, разумѣется могла быть примѣнена къ составленію государственныхъ бумагъ и всякихъ политическихъ сочиненій; и чѣмъ старше онъ становился, тѣмъ лучше это дурное дарованіе обращалось у него на службу его слабостямъ. У него въ натурѣ было долго колебаться между разными планами дѣйствія, не только между сходными, но и противоположными прямо планами. Эта слабость росла въ немъ съ годами; и его совѣсть все больше привыкала стоять нейтральною при этихъ столкновеніяхъ мыслей, такъ что онъ вовсе потерялъ способность предпочитать одинъ путь другому на томъ основаніи, что одинъ честенъ, а другой безчестенъ, и чтобы отдыхать въ своей нерѣшительности, ему постоянно приходилось дѣлать себѣ гдѣ нибудь временную стоянку, въ какомъ нибудь смыслѣ, въ какомъ случалось. Какъ лѣнтяй пріобрѣтаетъ большую изворотливость въ придумываніи извиненій для своихъ промедленій, такъ принцъ Луи-Наполеонъ сталъ чрезвычайно искусенъ въ придумы-

ваніи не только двусмысленныхъ фразъ, но и двусмысленныхъ плановъ дѣйствія, потому что постоянно затруднялся въ выборѣ между направо и налѣво (10). Частью по привычкамъ, усвоеннымъ въ тайныхъ обществахъ итальянскихъ карбонаровъ, частью отъ долголѣтняго заключенія въ тюрьмѣ, а частью, какъ онъ однажды сказалъ, отъ близкихъ сношеній съ спокойными, самообладающими любителями лошадей и конныхъ скачекъ въ Англіи, онъ пріобрѣлъ способность долго молчать; но по натурѣ, онъ не былъ ни человѣкъ осторожный въ словахъ, ни человѣкъ скромный. Съ иностранцами, особенно съ англичанами, онъ вообще былъ открытъ. Онъ былъ молчаливъ и скрытенъ только съ французами, но только по принципу, по которому охотникъ молчаливъ и скрытенъ съ куропатками и перепелами. Правда онъ былъ способенъ притворяться и притворяться долго; но сохраненію его тайнъ много помогало то обстоятельство, что его мнѣніе часто въ самомъ дѣлѣ было не сформировано, а потому онъ ничего и не могъ сказать. Его любовь къ маскамъ и переодѣваньямъ, вѣроятно, болѣе происходила отъ пустаго тщеславія и театральной маніи, о которой мы сейчасъ будемъ говорить, чѣмъ отъ низкой любви къ обману: и точно, положительно извѣстно о многихъ случаяхъ, что тайна, въ которую онъ любилъ закутываться, происходила отъ желанія произвести мелодраматическій эффектъ.

Многіе полагаютъ, что напрасно обижаютъ его тѣ люди, которые говорятъ, будто онъ лишенъ всякаго понятія о правдѣ. Онъ понималъ правду въ частныхъ разговорахъ и вообще предпочиталъ ее, но его правдивость, хоть можетъ быть и не принимаемая только для этого разсчета, иногда становилась средствомъ обмана, потому что возбудивъ довѣріе къ нему, она вдругъ подламывалась подъ

вліяніемъ какого нибудь сильнаго расчета. Онъ могъ лѣтъ шесть, семь быть въ дружескихъ отношеніяхъ съ человѣкомъ, искренно и правдиво говорить съ нимъ все это время, и потомъ вдругъ обмануть его. Люди, видя, что ловятся на кажущуюся надежность его характера, натурально располагались думать, что и все другое, кажущееся въ немъ хорошимъ, только маска; но сообразнѣе будетъ съ общими законами человѣческой природы, если мы предположимъ, что правдивость, длившаяся шесть, семь лѣтъ, была неподдѣльнымъ остаткомъ хорошаго въ немъ, а не просто подготовленіемъ для лжи. Шаткость и измѣнчивость его характера помогала скрытности: люди такъ утомлялись наблюденіемъ за колебаніемъ его мыслей, что ихъ подозрѣнія начинали дремать на время, — а потомъ, видя, что они утомились предсказаніемъ того, что онъ сдѣлаетъ какую нибудь вещь, онъ тихонько прокрадывался и дѣлалъ ее.

Въ немъ была отвага, — но не та, какая дается размышленіемъ. Чтобы выдержать роль въ чрезвычайныхъ опасностяхъ, въ которыя онъ по временамъ кидался, и выдержать ее пристойно, нужна была такая сила характера, въ которой природа отказала не ему одному а большинству людей. Но отвага измѣняла ему только въ положеніяхъ дѣйствительно опасныхъ и грозящихъ немедленною физическою бѣдою. У него было настолько мужества, что еслибъ онъ былъ только частнымъ человѣкомъ, то онъ выдержалъ бы обыденныя испытанія жизни съ достоинствомъ. Но по временамъ у него кромѣ того бывала искусственная смѣлость, производившаяся долгимъ мечтательнымъ обдумываніемъ, и вздувшись до этой отваги, онъ часто былъ способенъ подвергать свою твердость испытаніемъ выше своей силы. Дѣло въ томъ, что воображеніе

имѣло надъ нимъ очень большую власть, такъ что онъ влюблялся въ идею предпріятія, — но неимѣло столько живости, чтобы дать ему предощутить, каковы будутъ его впечатлѣнія въ минуту опасности. Такимъ образомъ, онъ былъ очень большимъ авантюристомъ въ своихъ планахъ дѣйствія, а когда напослѣдокъ становился лицомъ къ лицу съ опасностью, которой давно искалъ, онъ бывалъ ошеломленъ ею, какъ будто чѣмъ не предвидѣннымъ. Онъ любилъ придумывать и обдумывать заговоры, имѣлъ много ловкости въ подготовленіи средствъ для исполненія своихъ замысловъ; но его труды по этой наукѣ имѣли тенденцію вводить его въ сцены, къ которымъ онъ былъ плохо приспособленъ природою, потому что подобно большинству обыкновенныхъ людей онъ не владѣлъ тѣмъ присутствіемъ духа и тою физическою храбростью, которыя нужны для критическихъ минутъ отважнаго предпріятія. Короче сказать, онъ былъ литературный мечтатель, обдуманно выводившій себя на отчаянную дорогу и очень далеко заходившій по ней, но способный въ минуту испытанія растеряться отъ внезапнаго возвращенія здраваго смысла и струсить.

Отъ природы онъ не былъ ни кровожаденъ, ни жестокъ; въ мелочахъ, у него были даже мягкіе и благородные инстинкты, а вообще онъ былъ расположенъ дѣйствовать не безчестно, пока не являлось сильнаго побужденія къ противному, такъ что онъ могъ цѣлые мѣсяцы жить въ обществѣ англійскихъ любителей охоты и лошадей, не дѣлая постыдныхъ поступковъ; а если онъ былъ не такъ созданъ природою или развитъ жизнію, чтобы мысль „это дурно“ могла удержать его отъ чего нибудь, то надобно выводить изъ этого, что его чувство разпознаванія добра и зла было, какъ и натурально, омрачено привычкою искать иде-

алъ въ лицѣ, подобномъ Наполеону I. Очень правдоподобно, что онъ, по ученой ли любознательности, или по любопытству, если не по желанію руководиться своею находкою — пытался иногда выслушать, что говоритъ совѣсть; онъ, по всей вѣроятности, старался иногда объ этомъ, потому что, — фактъ извѣстный, — съ перомъ въ рукахъ и съ достаточнымъ временемъ на приготовленіе, онъ могъ сдѣлать очень недурное подражаніе тону словъ человѣка, не лишеннаго совѣсти.

Его постояннымъ желаніемъ было привлечь на себя удивленное вниманіе свѣта; а случайность рожденія указала ему престолъ Наполеона I, какъ престолъ, къ которому онъ можетъ прикрѣпить свою надежду; поэтому его жажда извѣстности стала казаться честолюбіемъ, хоть корень ея былъ просто въ тщеславіи. Но умственное уединеніе, въ которое онъ былъ поставленъ странностью науки, надъ которою работалъ, кажущаяся бѣдность его ума, его деревянный взглядъ, а болѣе всего видимая отдаленность успѣха, — всѣ эти необѣщающія удачи обстоятельства, страннымъ своимъ контрастомъ съ великостью его цѣли, заставляли людей видѣть въ его претензіи только комическую глупость. Съ страстнымъ желаніемъ забраться на такую высоту, чтобы всѣ смотрѣли на него, въ немъ было соединено сильное, почти эксцентричное пристрастіе къ тѣмъ фокусамъ, которыми производитъ свои мелодраматическія продѣлки плохой драматургъ, или режиссеръ, или актеръ: такимъ образомъ, пристрастіе и фантазія влекли его придумывать сценическіе эффекты и сюрпризы, героемъ которыхъ всегда ставилъ онъ самого себя. Эта наклонность такъ сильно владычествовала надъ нимъ, что скорѣе можно видѣть въ ней искреннее расположеніе, а не просто страсть театральничать. Если бы она была оди-

нока, то вѣроятно только придала бы особый характеръ его развлеченіямъ; но по случайности, такой человѣкъ родился претендентомъ на французскій престолъ; его желаніе подражать Наполеону I и воспроизвести имперію, связало его театральничество съ тѣмъ, что можно назвать солиднымъ его честолюбіемъ; поэтому, пока онъ былъ изгнанникомъ, онъ постоянно былъ занятъ мыслью скопировать возвращеніе Наполеона съ Эльбы и разыграть это представленіе въ дѣйствительности, а не на сценѣ, и притомъ собственною персоною.

По нѣкоторымъ чертамъ, его попытка поднять возстаніе въ Страсбургѣ въ 1836 году была болѣе важнымъ дѣломъ, чѣмъ какъ обыкновенно отзывались тогда о ней. Ему тогда было 28 лѣтъ. Онъ успѣлъ привлечь на свою сторону Водре, командира артиллерійскаго полка, составлявшаго часть гарнизона. Попытка была произведена рано по утру 30 октября. Водре сказалъ своимъ артиллеристамъ, что въ Парижѣ вспыхнула революція и король низвергнутъ; повѣривъ этому, они согласились признать принца Наполеономъ II. Водре посылалъ отряды въ квартиры префекта и генерала Вуардоля, командовавшаго гарнизономъ и арестовалъ ихъ обоихъ. Онъ успѣлъ сдѣлать все это такъ, что другіе полки еще ничего и не знали.

Если въ арміи дѣйствительно было тогда расположеніе къ имени и династіи Бонапарте, то для привлеченія всего гарнизона на сторону наслѣдника императора теперь было бы почти ничего не нужно, кромѣ того, чтобы этотъ наслѣдникъ имѣлъ присутствіе духа, необходимое въ такомъ предпріятіи. Онъ былъ приведенъ въ Вуардолю, содержимому подъ арестомъ; сталъ склонять его на свою сторону; генералъ отказался. Тогда принцъ, окруженный людьми, представлявшими собою императорскую свиту,

Ly 11251

былъ проведенъ въ казармы 16-го пѣхотнаго полка; эта свита сказала солдатамъ, застигнутымъ совершенно врасплохъ, что лицо, явившееся къ нимъ, — ихъ императоръ. Они увидѣли предъ собою молодаго человѣка, который фигурою и лицомъ похожъ былъ на ткача, — ткача, изнуреннаго долгими часами монотонной работы въ душной комнатѣ, который не имѣлъ хорошей осанки и уставилъ глаза въ землю; а между тѣмъ этотъ молодой человѣкъ такого вида стоялъ передъ ними одѣтый, среди бѣлаго дня, съ головы до ногъ въ историческій костюмъ аустерлицкаго и маренгскаго вождя. Такая жалкая выставка не могла не разстраивать дѣла, съ успѣхомъ поведеннаго полковникомъ Водре. Но солдаты знали, что въ Парижѣ не разъ и не два случались странныя вещи; очень могло быть, что молодой человѣкъ передъ ними, въ самомъ дѣлѣ, какъ имъ говорятъ про него, сдѣланъ императоромъ французовъ, Наполеономъ II. Эта безъизвѣстность солдатъ давала принцу случай узнать на опытѣ, дѣйствительно ли существуетъ во французахъ расположеніе къ имени Бонапарте, и если существуетъ, то способенъ ли онъ воспользоваться этимъ расположеніемъ.

Но чрезъ нѣсколько времени вошелъ на дворъ казармъ, гдѣ была эта сцена, полковникъ Таландье, командиръ полка, узнавшій наконецъ о томъ, что происходитъ въ его казармахъ. Онъ тотчасъ же приказалъ запереть ворота, и съ жаромъ, гнѣвомъ, презрѣніемъ пошелъ прямо къ тому мѣсту, гдѣ стояли предлагаемый императоръ и его „императорскій штабъ“. Это появленіе негодующаго полковаго командира было вещью, которой слѣдовало ожидать принцу, — именно тою самою вещью, на борьбу съ которою онъ шелъ въ казармы, — но оно поразило принца сокрушающимъ ударомъ, будто вещь изумительная, не предви-

дѣйная. Онъ, литературщикъ, стоялъ въ костюмировкѣ великаго полководца, передъ нимъ явился настоящій полковникъ, съ дѣйствительнымъ правомъ отдавать приказанія солдатамъ, — негодующій полковникъ испугалъ его, и въ одну минуту грезы принца разлетѣлись. Нѣкоторые изъ его окружавшихъ думали, что онъ обязанъ невыдавать Водре, подговореннаго имъ, и хоть для спасенія Водре долженъ продолжать свое приключеніе, отважиться на отчаянное, или хоть сколько нибудь энергическое сопротивленіе полковнику. Но принцъ не сдѣлалъ ничего такого. Въ числѣ принадлежностей его костюма была шпага. но онъ даже не пытался защищаться ею, когда подошедшій Таландье сорвалъ съ него ленту почетнаго легіона, потомъ сорвалъ съ него эполеты, бросивъ на землю, топталъ ихъ ногами, оборвалъ костюмъ съ принца, и посадилъ его подъ караулъ. Его нарядившіеся спутники, представлявшіе собою императорскую свиту, подверглись той же судьбѣ, какъ ихъ предводитель. Прежде чѣмъ судить о поведеніи принца въ эти минуты, надобно по справедливости признаться, что когда разъ уже не было предотвращено появленіе полковника на дворѣ казармъ, опасность сопротивленія была велика, на столько велика, что точно могла смутить всякаго неотличающагося мужествомъ. Надобно также признать, что по собственной фантазіи поставивъ себя въ такое положеніе, принцъ доказалъ, что обладаетъ значительною отвагою извѣстнаго рода: несправедливо было бы назвать безъ всякихъ оговорокъ боязливымъ того человѣка, который идетъ добровольно на такую опасность; справедливѣе сказать, что это человѣкъ съ трусливою отвагой. Онъ былъ не властенъ надъ своею натурою, — а его натура была: быть авантюристомъ до минуты опасности, но рѣзко отрезвляться и потрясаться дѣй-

сквительнымъ столкновеніемъ съ опасностью, совершенно терять присутствіе духа отъ этого, оставаться безъ желанія продолжать свою роль отчаяннаго смѣльчака — это объясняется легко: его отвага вся проистекала изъ театральничанья и тщеславія; а эти страсти имѣли силу доводить его до края пропасти, но не имѣли столько силы, чтобы удержать его отъ натуральной дрожи при наступленіи риска быть убитымъ, тутъ же на мѣстѣ. Сознавая, что по плащѣ, сюртуку и сапогамъ онъ совершенно императоръ Наполеонъ, онъ воображалъ, что великій парадъ встрѣчанія, дѣланнаго побѣдоносному вождю войсками въ 1815 году, очень можетъ быть повторенъ имъ и французскими солдатами въ 1836 году; но очевиднымъ образомъ, это мнѣніе овладѣло имъ не оттого, что онъ сошелъ въ самомъ дѣлѣ съума, а только оттого, что слишкомъ поддался своей господствующей наклонности: и вотъ, когда ему сказали „нѣтъ, остановись же“,—онъ не рванулся впередъ, какъ сумасбродъ, на продолженіе своего приключенія; онъ не попытался даже и потребовать хорошенько, существуетъ ли въ самомъ дѣлѣ въ солдатахъ бонапартистское расположеніе, на которомъ онъ устраивалъ свой проэктъ, — нѣтъ, какъ только столкнулся онъ съ дѣйствительностію, онъ замеръ на мѣстѣ,—мгновенно остылъ, сталъ разсудителенъ, безвреденъ, послушенъ и сдался (какъ всегда дѣлалъ) во власть первому отважному человѣку, который дотронулся до него пальцемъ. Это превращеніе, подобное тому мнимому диву, которое мы видимъ, когда истерическая дѣвушка, увлекаемая странными галлюцинаціями, исполненная по видимому страшной, сумасбродной силы, мгновенно излечивается и успокоивается отъ рѣзкаго угрожающаго слова „перестать“! Получивъ нѣсколько денегъ (очень немного, всего 15,000 франковъ)

отъ государя, котораго хотѣлъ низвергнуть, принцъ былъ отправленъ въ Америку добродушнымъ королемъ французовъ.

Но если у него не было качества, нужнаго на то, чтобы пройти по дорогѣ авантюристскаго предпріятія, его владычествующая страсть имѣла столько силы, чтобы заставить его повторить опытъ. Французская армія уже знала теперь вся, что у него нѣтъ храбрости, нужной для такого дѣла, имя его стало смѣшнымъ, потому онъ не могъ соблазнить своимъ планомъ ни одного офицера, чиномъ выше поручика. Однако, онъ не отсталъ отъ своей идеи: скоро онъ опять задумалъ разыграть новое „возвращеніе съ Эльбы“, но уже въ новыхъ костюмахъ съ новыми декораціями. Пока онъ готовилъ поддѣльные флаги и поддѣльныхъ солдатъ, — мундиры для его сообщниковъ были сшиты по образцу 42-го полка, квартировавшаго, въ Булони, и пуговицы съ этимъ номеромъ были заказаны въ Бирмингамѣ, пока онъ поддѣлывалъ мундиры, пуговицы и училъ несчастнаго орла играть роль императорской птицы — предвѣщательницы успѣха, онъ занимался дѣломъ, въ которомъ былъ искусенъ; мастеръ былъ онъ также въ сочиненіи прокламацій и плебисцитовъ, составлявшихъ значительную долю груза, съ которымъ онъ поѣхалъ черезъ море во Францію; но онъ долженъ былъ знать, что если ему удастся пробраться куда онъ задумалъ, то вѣдь онъ увидитъ себя по утру на дворѣ Булонскихъ казармъ, окруженнаго толпою вооруженныхъ спутниковъ, поддерживаемаго однимъ изъ офицеровъ гарнизона, обѣщавшимся помогать ему; но что тутъ же будетъ стоять толпа солдатъ, изъ которыхъ одни вздумаютъ быть за него, другіе противъ него, третьи не будутъ знать, что имъ дѣлать. Такъ и случилось. Онъ устроилъ дѣло такъ ловко

и счастливо, что куда онъ хотѣлъ пройти, туда и пришелъ, — и вотъ онъ стоялъ наконецъ въ томъ самомъ положеніи, въ которое заботливо проложилъ себѣ дорогу. Но тутъ его характеръ выдалъ его. Онъ взволновался, растерялся, — такъ онъ самъ сказалъ потомъ предъ палатою перовъ: „я былъ въ такомъ волненіи, что безъ всякаго моего намѣренія пистолетъ мой выстрѣлилъ и ранилъ солдата, который былъ не противъ меня“, его мысли не сладили съ опасностью, смѣшались, въ немъ не было ни пылкости, ни удальства, которыя дѣлаютъ людей воинственными въ критическія минуты, и патурально, что онъ не годился управлять разгоряченными солдатами. Потому, когда наконецъ успѣлъ ворваться на дворъ казармы твердый, сердитый офицеръ, подполковникъ Пюнжелье, онъ почти въ одинъ мигъ уничтожилъ принца силою болѣе твердаго характера и выгналъ его на улицу, со всѣми его 50 вооруженными спутниками, и съ знаменемъ, и съ деревяннымъ орломъ на знамени, и съ поддѣльнымъ императорскимъ штабомъ, погналъ будто трупу бродячихъ актеровъ. Но чрезъ нѣсколько недѣль, тотъ же самый принцъ Луи-Наполеонъ держалъ себя предъ палатою перовъ съ достоинствомъ и съ благородною заботливостью о спасеніи своихъ соучастниковъ; тутъ положеніе было по силамъ ему, потому что онъ имѣлъ досугъ обдумывать, какъ ему надобно говорить и поступать.

Натурально, что при такомъ характерѣ, онъ имѣлъ наклонность долго медлить на первыхъ фазисахъ заговоровъ; но такъ какъ онъ по рожденію и честолюбію заявилъ себя свѣту претендентомъ на французскій престолъ, то за него неотступно схватились нѣсколько человѣкъ другихъ авантюристовъ, людей дѣйствительно отважныхъ, рѣшившихся дѣлать его судьбу; и если по временамъ его

личныя желанія и склоняли бы его на отдыхъ или отсрочку, его отношенія къ этой горсти приверженцевъ не допускали того: его партизаны нуждались въ деньгахъ, и надобно было постоянно пытать счастье.

Въ 1851 году всѣ эти побужденія, вмѣстѣ съ оскорбительнымъ чувствомъ личнаго униженія и обманувшагося расчета, влекли президента на новый рискъ. Онъ издавна желалъ, чтобы измѣнена была конституція, но прежде все надѣялся измѣнить ее при помощи и одобреніи большинства, или по крайней мѣрѣ очень многихъ государственныхъ людей и знаменитыхъ генераловъ. Изъ того факта, что онъ желалъ ихъ содѣйствія своимъ планамъ, надобно, кажется, заключать, что сначала онъ не думалъ душить Францію наложеніемъ на нее чисто азіатскаго деспотизма, а желалъ основать такую монархію, которую могли поддерживать люди съ хорошею и громкою извѣстностью. Но во первыхъ, почти никто не считалъ его человѣкомъ такимъ ловкимъ, какимъ онъ дѣйствительно былъ, а во вторыхъ, тогда онъ казался очень смѣшнымъ. Потому, изъ тысячи людей, искренно желавшихъ, чтобы на мѣсто республики явилась власть диктатора, кого бы то ни было, лишь бы способнаго, почти никто не могъ повѣрить, что президентъ республики годится быть такимъ человѣкомъ; по этой причинѣ, политическіе люди отвергали это предложеніе: онъ не нашелъ ни одного государственнаго человѣка, согласившагося помогать ему, ни одного генерала, отвѣчающаго на его настоянія иначе, какъ словами: „я долженъ имѣть приказаніе отъ военнаго министра“.

Оттолкнутый всѣми ими онъ долженъ былъ бросить свой планъ преобразовать форму правительства при содѣйствіи хоть нѣкоторыхъ изъ главныхъ государственныхъ людей и генераловъ, замѣнить этотъ планъ замыс-

ломъ совершенно иного рода и наконецъ попалъ въ руки такихъ людей, какъ Персиньи, Морни и Флёри. Онъ сталъ придумывать свои умыслы съ ними, и по случайности довольно странной, характеръ и денежныя нужды его сообщниковъ дали энергію и опредѣленный видъ планамъ, которые безъ этой подталкивающей силы могли бы долго оставаться грезами. Президенъ былъ щедръ на деньги для своихъ компаньоновъ, давалъ имъ все, сколько могъ. Но конституція республики такъ успѣшно связала произволъ въ распоряженіи казною, что президентъ не могъ располагать никакими государственными деньгами, кромѣ суммы, даваемой ему казною-закономъ. Въ своемъ упорномъ пристрастіи къ сильной административной власти, составители конституціи дали въ распоряженіе главы государства обширныя средства опрокинуть всю ихъ постройку, но распоряженія деньгами не дали ему; онъ при своей расточительности постоянно долженъ былъ перебиваться такими изворотами, какъ купецъ, не имѣющій денегъ. Тѣсно было ему и въ настоящемъ; а когда онъ думалъ о будущемъ, какому подвергается онъ по конституціи, онъ видѣлъ, что ему впередъ назначенъ день, когда онъ долженъ сойти съ своего виднаго мѣста въ бѣдность и ничтожество. Быть можетъ онъ и радъ былъ бы пріобрѣсть честными средствами то, что было нужно ему. Въ началѣ 1851 года онъ очень просилъ законодательное собраніе увеличить суммы, даваемыя на его надобности. Ему отказали (11). Послѣ этого, слѣдовало ждать, что еслибъ онъ самъ и удержался отъ желанія запустить руку въ казну, то его сообщники, становясь съ каждымъ днемъ практичнѣе въ своихъ видахъ, скоро заставятъ своего предводителя дѣйствовать. Прежде, самъ президентъ предложилъ собранію установить нѣчто въ родѣ ценза, — это и было сдѣлано

закономъ 31 мая (12). Теперь онъ сталъ приверженцемъ вотированья безъ ценза, противникомъ закона 31 мая. Людямъ занимавшимся политикою, уже одна эта перемѣна могла бы показать, каковъ характеръ замысловъ, занимающихъ теперь президента; но онъ съ самого начала до послѣдней минуты не жалѣлъ словъ, имѣвшихъ цѣлію успокоить подозрѣніе: онъ пользовался этимъ средствомъ очень усердно и искусно, съ того самого часа, какъ онъ явился передъ публикою въ февралѣ 1848 года, онъ хватался за всякій случай безпрестанно повторять, что не имѣетъ никакихъ замысловъ противъ конституціи. Рѣчь, съ которою онъ обратился къ собранію 13 ноября 1850 года, можетъ служить однимъ изъ примѣровъ этихъ торжественныхъ и добровольныхъ увѣреній. Онъ говоритъ въ ней, что „считаетъ великими преступниками людей, изъ за личнаго самолюбія компрометирующихъ ту, — хоть и не большую долю — безопасности, которая дается государству нынѣшнею конституціею; что если конституція эта заключаетъ въ себѣ недостатки и опасности, то собраніе имѣетъ право обратить на нихъ вниманіе націи"; но что онъ лично, „связанный своею клятвою, удерживается въ строгихъ границахъ, предписываемыхъ ему этимъ актомъ". Далѣе онъ объявляетъ, что „первая обязанность властей — внушать націи уваженіе къ закону своимъ примѣромъ неуклонной вѣрности ему"; увѣряетъ собраніе, что личную заботу свою имѣетъ не о томъ, „кто будетъ управлять Франціею въ 1852 году", по окончаніи срока власти, даваемаго ему конституціею 1848 года, а о томъ, „чтобы переходъ этотъ, каковъ бы онъ ни былъ, совершился безъ волненія и потрясенія", потому что, по его мнѣнію, благороднѣйшая, достойнѣйшая человѣка съ возвышеннымъ умомъ цѣль — стремиться не къ тому, чтобы продолжать

свою власть, если имѣетъ ее, а въ томъ, чтобы не раздѣльно работать для укрѣпленія, на общую пользу, тѣхъ принциповъ власти и нравственности, которые противодѣйствуютъ страстямъ людей и не прочности законовъ".

Мы видимъ, что этотъ языкъ былъ искусно придуманъ для его цѣли: принцъ говорилъ, что человѣкъ, дѣйствующій противъ конституціи, былъ бы злодѣй и дуракъ; что поэтому нельзя винить его въ такой мысли; а если предположить, что онъ дѣлалъ эти признанія по доброй волѣ, а между тѣмъ уже рѣшился сдѣлать то, что уже сдѣлалъ впослѣдствіи, то онъ былъ бы виновенъ въ обманѣ слишкомъ черномъ; но если мы подумаемъ, какое широкое поле было въ его умѣ для разнорѣчащихъ плановъ, какая нерѣшительность была въ его характерѣ, и какъ настоятельны были денежныя надобности компаньоновъ, окружавшихъ его, то мы, можетъ быть, согласимся съ болѣе благорасположеннымъ къ нему взглядомъ тѣхъ, которые думаютъ, что когда онъ дѣлалъ такія торжественныя увѣренія, онъ дѣйствительно отступалъ передъ мыслію объ измѣнѣ. И точно, его слова совершенно соотвѣтствовали тѣмъ, какими выражалъ бы свою существенную мысль испуганный человѣкъ, разсердившійся на голодныхъ и смѣлыхъ товарищей, толкающихъ его впередъ, вздумавшій держаться противъ нихъ, не идти впередъ.

Когда совершалось превращеніе республики въ имперію, вниманіе наблюдателя натуральнымъ образомъ сосредоточивалось на томъ человѣкѣ, который уже былъ главою государства, а теперь садился на престолъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, кажется, что именно онъ самъ исполнилъ ту часть дѣла, которую можно назвать литературною. Онъ былъ юристомъ своей котеріи. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ самъ писалъ свои прокламаціи, плебисциты, конституціи

и всякія тому подобныя вещи; но двигающая сила, которая вела заговоръ къ развязкѣ, давалась дѣлу главнымъ образомъ отъ графа Морни и отважнаго офицера, майора Флери.

Морни былъ человѣкъ очень отважный и одаренный очень большою вкрадчивостью. Во время монархіи, онъ былъ членомъ палаты депутатовъ; но онъ былъ болѣе извѣстенъ какъ спекулянтъ, чѣмъ какъ политическій человѣкъ. Онъ занимался особенно тою частью биржевой игры, которая состоитъ въ выпусканіи, покупкѣ и перепродажѣ акцій по 60 основываемыхъ компаній; нѣкоторымъ изъ этихъ оборотовъ пришлось быть разъясненными посредствомъ скандальныхъ процессовъ, и часть его извѣстности основывается именно на этихъ процессахъ. Онъ былъ мастеръ основывать „торговыя компаніи", и теперь вздумалъ по тѣмъ же правиламъ основать спекуляцію, которая давала бы ему суммы, какихъ не давала ни одна прежняя спекуляція. Морни былъ человѣкъ практическій. Принцъ Луи-Наполеонъ могъ довольствоваться мечтательною жизнью, въ грезахъ о томъ сладкомъ часѣ, когда благодарная Франція по собственному желанію вдругъ вздумаетъ проздравить его императоромъ; Морни былъ не такой человѣкъ, чтобы праздно покопться съ нимъ грезами въ голодной странѣ мечтаній.

Еще способнѣе заставить президента дѣйствовать, вести его до конца придуманнаго имъ замысла, твердой рукой провести его по этой дорогѣ былъ майоръ Флери. Флери былъ еще молодъ лѣтами, но пережилъ уже очень много всякихъ вещей. Онъ былъ сынъ негоціанта, получилъ въ наслѣдство послѣ отца очень хорошую сумму денегъ, ринулся въ парижскія наслажденія съ такимъ жаромъ, что скоро покончилъ свои средства продолжать этотъ періодъ

своей жизни. Но пока друзья его отца вздыхали разъ по десяти въ день о томъ, что „юноша прокутился“, юноша подходилъ къ лѣстницѣ, по которой поднялся такъ, что распорядился по своему усмотрѣнію судьбою могущественной націи. Онъ вступилъ въ армію простымъ солдатомъ, но офицеры его полка нашли его такимъ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ и такъ восхитились бодростью, съ которою онъ выдерживалъ свою невзгоду, что ихъ расположеніе скоро повело его по офицерскимъ чинамъ,—и наконецъ, онъ былъ причисленъ къ штабу президента,—кажется, потому, что былъ знатокъ въ лошадяхъ.

По своему темпераменту и по житейской опытности, произошедшей изъ этого темперамента, Флери очень любилъ деньги, или тѣ вещи, которыя покупаются за деньги, и не такой человѣкъ, чтобы не добиваться денегъ всѣми силами. Онъ былъ отваженъ и рѣшителенъ, и отвага его была такая, которая не робѣетъ въ критическую минуту. Если принцъ Луи-Наполеонъ былъ смѣлъ и изобрѣтателенъ въ придумываніи, то Флери былъ человѣкъ дѣйствія. Принцъ былъ ловокъ на то, чтобы подвести мину и начинить ее, а Флери — храбрецъ, готовый стоять у мины съ зажженнымъ фитилемъ и приложить его къ пороху, какъ слѣдуетъ. Находись онъ подлѣ Луи-Наполеона въ Страсбургѣ или въ Булони, дѣло могло бы стоить головъ очень многимъ, и ужь никакъ не обратилось бы въ посмѣшище. Онъ и Луи-Наполеонъ дополняли другъ друга и, будучи вмѣстѣ, они составляли такую чету съ такими отличными способностями для произведенія не ожиданнаго взрыва, что имѣя въ своемъ распоряженіи всѣ правительственныя средства, очень могли обратить тронную грезу въ дѣйствительность. Кажется, что какъ только сталъ Флери соучастникомъ секретныхъ плановъ

президента, президентъ потерялъ свободу воли, — а ужь навѣрное можно сказать, что онъ не дешево раздѣлался бы съ Флери, если бы попытался остановиться.

Слова генераловъ, отвѣчавшихъ президенту, что будутъ дѣйствовать не иначе, какъ по приказу военнаго министра, показали средства, къ которому надобно прибѣгнуть, и Флери рѣшилъ: найти какого нибудь генерала, умѣющаго командовать, умѣющаго хранить тайну, готоваго на всякій рискъ, хорошенько выѣдать его, будетъ ли онъ расположенъ помогать дѣлу и, если окажется, что онъ готовъ согласиться, то посвятить его въ тайну заговора и сдѣлать военнымъ министромъ, чтобы его подпись отдавала всю армію въ распоряженіе заговорщиковъ. Флери отправился въ Алжирію искать агента этого сорта и имѣлъ удачу найти именно такого человѣка, какого желалъ: то былъ генералъ, носившій тогда имя Ашилля (Ахилла) Сентъ-Арно, но эта фамилія была у него уже принятая по обстоятельствамъ, а настоящее его имя, давно брошенное имъ, было Жакъ Арно Ле-Руа. О нѣкоторыхъ изъ его подвиговъ мы разскажемъ послѣ, когда будемъ говорить собственно о Крымской войнѣ, гдѣ онъ хотѣлъ быть главнымъ лицомъ. Здѣсь довольно будетъ сказать, что характеръ его прошедшаго и настоящаго показался Флери ручающимся за то, что онъ согласится. Флери не ошибся: Сентъ-Арно былъ очень радъ служить на все, и Флери, убѣдившись въ этомъ, посвятилъ его въ тайну. А когда она была ввѣрена человѣку, котораго выбралъ Флери, то принцъ Луи-Наполеонъ и остальные соумышленники уже и не могли отступиться отъ задуманнаго; денежныя надобности господина Сентъ-Арно, урожденнаго Арно Ле-Руа, были не такъ скромны, чтобы могли удовлетворяться суммами, какія возможно было ему получать при сохраненіи

законовъ; а поссориться съ подобнымъ господиномъ, посвященнымъ въ тайну заговора, было бы очевидною погибелью для всѣхъ заговорщиковъ. Онъ былъ сдѣланъ военнымъ министромъ 27 октября.

Въ тотъ же самый день былъ назначенъ префектомъ полиціи господинъ Моца или де-Моца. Прежде этотъ господинъ былъ префектомъ департамента Верхней Гаронны. Друзья его говорятъ, будто у него было состояніе, и будто онъ никогда не пользовался безчестными источниками дохода. Но въ іюнѣ мѣсяцѣ, онъ, между прочимъ, захотѣлъ поусердствовать президенту тѣмъ, чтобы арестовать въ своемъ департаментѣ болѣе двадцати человѣкъ за выдуманный имъ же самимъ заговоръ. Судебныя власти департамента не дозволили ему сдѣлать этого, потому что не было никакихъ основаній для обвиненія этихъ лицъ. Моца, или де-Моца — предложилъ замѣнить недостатокъ обвиненій стратагемою: тайкомъ подложить поддѣльныя бумаги, оружіе и гранаты въ квартиры лицъ, которыхъ ему захотѣлось арестовать. Натурально, судебныя начальства ужаснулись подобнаго рода предложенію и донесли о немъ министру юстиціи. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Леонъ Фоше, вытребовалъ своего подчиненнаго въ Парижъ, высказалъ ему такое негодованіе и презрѣніе, что Моца вышелъ изъ пріемной начальника вздыхая; люди, знавшіе, въ чемъ состояли слова министра, считали Моца погибшимъ на вѣкъ; но онъ пошелъ и разсказалъ свою скорбь (министру) президенту. Президентъ, разумѣется, тотчасъ же увидѣлъ, что это человѣкъ пригодный дѣлу, — Моца былъ посвященъ въ заговоръ и назначенъ префектомъ полиціи (главнымъ полицейскимъ начальникомъ Парижа).

Персиньи, урожденный Фіаленъ, также былъ однимъ изъ заговорщиковъ. Причину, по которой онъ перемѣнилъ

фамилію, онъ самъ объяснилъ такъ, во время своего процесса въ 1840 году: по матери, онъ былъ изъ хорошаго семейства; отцовская фамилія ему не нравилась, и онъ назвалъ себя фамиліею дѣда своей матери. Свою карьеру началъ онъ въ званіи унтеръ-офицера: „служить“ было его „влеченіемъ“ по его собственному выраженію, потому онъ и „служилъ“ — сначала легитимистамъ; но случай свелъ его съ Луи-Наполеономъ, онъ скоро сдѣлался преданнымъ другомъ принца, сотоварищемъ всѣхъ его замысловъ и приключеній. Если Мопа вошелъ въ компанію съ президентомъ просто какъ въ денежную спекуляцію, то Персиньи могъ сказать по полной справедливости, что дѣло принца Луи-Бонапарте издавна стало его убѣжденіемъ, и что онъ даже старался, на сколько можно было, возвысить это дѣло до значенія политическаго принципа. Но роль, ввѣренная Персиньи во время переворота 2 декабря, была не эфектна, если и была важна. Сообщники Луи-Наполеона не полагались на его твердость, ожидали, что онъ растеряется; Персиньи, человѣкъ твердой души, не поддающійся унынію, обязался находиться безотлучно въ Elysée, гдѣ жилъ президентъ, чтобы получать въ свои руки извѣстія о ходѣ дѣла во все продолженіе опасности и не допускать до президента ничего изъ этихъ извѣстій въ такомъ видѣ, который могъ бы убить его бодрость. Такъ разсказываютъ; такъ ли дѣло или нѣтъ, но Персиньи не былъ въ числѣ дѣйствующихъ исполнителей заговора; поэтому на немъ и не лежитъ такихъ пятенъ, какъ на Морни, Флери, Мопа и Сентъ-Арно, урожденномъ ле-Руа.

Необходимо было принять мѣры, чтобы парализовать парижскую національную гвардію; а комендантомъ ея былъ генералъ Перро, человѣкъ не подкупной честности.

Вдругъ дать ему отставку значило бы возбудить подозрѣніе. Придумали такое средство: начальникомъ штаба къ нему назначили нѣкотораго господина, по фамиліи Віэйру. Прошлая жизнь и настоящая репутація Віэйры были таковы, что генералъ Перро почелъ обидою себѣ его назначеніе и подалъ въ отставку. Именно того и желала элизейская братія. 30 октября комендантомъ національной гвардіи былъ назначенъ генералъ Лавустинъ, человѣкъ бывавшій въ великихъ битвахъ прошлыхъ войнъ, но теперь, при сѣдыхъ волосахъ своихъ, не постыдившійся принять роль, предложенную ему: онъ назначался за тѣмъ, чтобы не дать собраться и дѣйствовать національной гвардіи. Открывъ эту частицу своихъ мыслей Віэйрѣ и Лавустину, заговорщики не нашли нужнымъ вполнѣ посвящать ихъ въ тайну заговора: роль обоихъ состояла только въ томъ, чтобы не дѣлать и не допускать никакихъ распоряженій для созванія національной гвардіи и запретить ея барабанщикамъ бить сборъ.

Главною машиною, на которую возлагали свою надежду элизейская братія, была, конечно, армія. Горькое воспоминаніе о прошлыхъ унизительныхъ неудачахъ въ битвахъ съ парижскимъ народомъ раздражало солдатъ противъ него. Кромѣ того, въ законодательномъ собраніи шли тогда пренія, возбуждавшія въ солдатахъ большое неудовольствіе на всѣхъ не военныхъ, а въ особенности на парижанъ, на депутатовъ, на политическихъ людей всѣхъ партій. Нѣкоторые депутаты предусматривали, что армія можетъ стать обращена противъ законодательнаго собранія; они предложили собранію принять противъ этого мѣру, на которую оно имѣло право по конституціи: назначить какую найдетъ нужнымъ часть войска на охраненіе свободы своихъ совѣщаній и отдать этотъ корпусъ подъ

начальство командира, котораго само выберетъ. Армія обижалась этимъ. Во Франціи, военный министръ издавна былъ генералъ, и армія привыкла считать его приказы будто бы приказами, отдаваемыми имъ по званію главнокомандующаго войсками, хотя они выходили отъ него, какъ отъ члена гражданскаго правительства: солдаты не понимали, что они въ сущности всегда были подчинены гражданской власти. Теперь имъ растолковали, что собраніе хочетъ подчинить ихъ гражданской власти, отдать подъ начальство „какому нибудь адвокату". Понятый въ этомъ смыслѣ проэктъ о назначеніи командира для части войскъ прямою властью законодательнаго собранія, такъ раздражилъ войска, что еслибъ онъ былъ принятъ, вѣроятно произошелъ бы бунтъ. Онъ былъ отвергнутъ; но досада не всегда изчезаетъ съ устраненіемъ повода къ ней, и раздраженіе, возбужденное въ арміи преніями о немъ, такъ ловко поддерживалось искуственными средствами, что парижскій гарнизонъ сталъ смотрѣть на народъ рѣшительно враждебными глазами. (13)

Заговорщики стали сводить въ Парижъ и его окрестности такіе полки, въ содѣйствіи которыхъ наиболѣе были увѣрены, командирами этихъ войскъ назначали генераловъ, въ безцеремонности которыхъ съ совѣстью были наиболѣе убѣждены. Главнокомандующимъ въ Парижѣ и его окресностяхъ былъ Маньянъ. Во время булонской экспедиціи Луи-Наполеона, Маньянъ имѣлъ несчастіе казаться принцу такимъ человѣкомъ, котораго можно купить за 100,000 франковъ. Потомъ онъ имѣлъ несчастіе быть уличеннымъ въ томъ, что продолжалъ сношенія съ офицеромъ, взявшимся тогда предложить ему эту плату. Маньянъ не скрывалъ своей готовности сдѣлать все, что угодно; и елисейская братія, кажется, желала вполнѣ посвя-

тить его въ свои секреты; но его панегиристъ, Гранье де Кассаньякъ,—быть можетъ. и не понимая, какъ отлично рекомендуетъ его такими увѣреніями, — увѣряетъ, что Маньянъ, хоть и вполнѣ готовый дѣйствовать противъ Парижа и законодательнаго собранія, не хотѣлъ подвергать себя опасности открытымъ участіемъ въ заговорѣ: „онъ справедливо потребовалъ,—возвѣщаетъ Гранье-де-Кассаньякъ. — чтобы ему ничего не сообщали до той минуты, когда надобно будетъ давать приказанія войскамъ и садиться на лошадь". То есть, онъ былъ готовъ обратить своихъ солдатъ на низверженіе конституціи, на произведеніе рѣзни, какая понадобится для этого, но не захотѣлъ лишить себя огражденія отъ отвѣтственности за то приказомъ военнаго министра; имѣя приказъ, онъ въ случаѣ не удачи заговора могъ бы сказать: „я не хотѣлъ участвовать ни въ какомъ умыслѣ. Обязанность солдата —повиноваться. Вотъ приказъ, полученный мною отъ генерала сентъ-Арно. Я только повиновался моему начальнику".

Но 27 ноября, этотъ человѣкъ Маньянъ собралъ у себя двадцать человѣкъ подчиненныхъ ему генераловъ и косвенными словами сообщилъ имъ, что скоро, быть можетъ, имъ сдѣланъ будетъ призывъ дѣйствовать противъ Парижа и противъ конституціи. Они обѣщали усердное и полное повиновеніе, и хоть каждый изъ нихъ, начиная съ самаго Маньяна, зналъ, что будетъ пріятно огражденъ отъ отвѣтственности приказомъ начальника, но всѣ они воображали, что являются героями,—такъ надобно заключать изъ словъ ихъ панегириста Кассаньяка, съ гордостью разсказывающаго, что заключивъ между собою эту великодушную сдѣлку на истребленіе парижанъ, они торжественно обнялись.

Довольно часто войска были угощаемы обѣдами съ виномъ и льстивыми словами, а ихъ раздраженіе на не военныхъ было такъ искусно поддерживаемо, что солдаты, привычные къ алжирской войнѣ, были доведены до расположенія говорить „бедуины“ вмѣсто „парижане“ — ужь въ этомъ прозвищѣ слышалась рѣзня. Парижская армія была теперь въ такомъ расположеніи духа, какое нужно было заговорщикамъ.

Имъ необходима была помощь Сенъ-Жоржа, управляющаго государственною типографіею, гдѣ печатались оффиціальные акты. Онъ дался на ихъ подкупъ. Тогда все было готово.

Въ ночь съ 1 на 2 декабря у президента былъ, по обыкновенію, вечеръ, — у него по понедѣльникамъ бывали вечера. Министры, ничего не знавшіе о заговорѣ, были тутъ, вмѣстѣ съ заговорщиками. Тутъ же былъ и Війэйра. Президентъ переговорилъ съ нимъ; онъ обѣщалъ, что не будетъ барабаннаго боя для сбора національной гвардіи, чтобы не случилось въ ту ночь, уѣхалъ и исполнилъ свою скромную роль; для безопасности, онъ, какъ разсказываютъ, велѣлъ прорѣзать кожу на барабанахъ. Въ обыкновенное время, гости начали разъѣзжаться, — и въ 11 часовъ оставалось у президента только трое гостей: Морни (озаботившійся передъ тѣмъ побывать въ театрѣ, чтобы видѣли, что у него нѣтъ никакого дѣла), Мопа и Сентъ-Арно, урожденный ле-Руа. Кромѣ того былъ тутъ дежурный адъютантъ президента, полковникъ Бевилль, также участникъ заговора. Перепьи, кажется, не было. Морни, Мопа и Сентъ-Арно ушли съ президентомъ въ его кабинетъ; полковникъ Бевилль также пришелъ къ нимъ. Мокаръ, домашній секретарь президента, также соумышленникъ заговорщиковъ, кажется, не былъ тутъ въ каби-

нетѣ; тоже не было тутъ и Флери, — вѣроятно не было потому, что онъ разъѣзжалъ по генераламъ, воодушевляя ихъ. Прежде было уже рѣшено сдѣлать дѣло той ночью; лица, бывшія въ кабинетѣ, стали разсуждать о принятомъ рѣшеніи; но безъ Флери не могли ничего разсудить: если мнительность и говорила имъ „не лучше ли остановиться“; — то вѣдь они знали, что Флери, стремительный и рѣшительный, уже дѣлаетъ теперь, быть можетъ, безвозвратный шагъ. Черезъ нѣсколько времени они получили извѣстіе, что приказъ собраться и выѣхать изъ казармъ уже данъ жандармскому баталіону и уже исполненъ такъ, что никто изъ постороннихъ ничего не замѣтилъ. Кто сдѣлалъ этотъ рѣшительный шагъ и кто привезъ въ Елисейскій дворецъ это рѣшительное извѣстіе о немъ? — положительно, мы еще не знаемъ; но по всѣмъ соображеніямъ, именно Флери. Вѣроятно онъ же, когда пришелъ съ этимъ извѣстіемъ въ кабинетъ, и доказалъ остальнымъ, что теперь, послѣ мѣры, принятой имъ, ужь поздно останавливаться. Такъ мы должны заключать по соображенію; а уже извѣстно пока то, что когда вошелъ въ кабинетъ Флери, то заговорщики принялись за исполненіе дѣла. Президентъ далъ полковнику Бевиллю пакетъ съ бумагами и послалъ его въ государственную типографію печатать ихъ. Жандармскій батальонъ былъ двинутъ также именно къ этой типографіи. Парижъ спалъ; батальонъ спокойно вышелъ изъ своихъ казармъ, прибылъ къ типографіи, окружилъ ее. Наборщики, еще работавшіе въ ней, были будто взяты въ плѣнъ: до окончанія дѣла, жандармы не выпустили ни одного изъ нихъ. Нѣсколько времени наборщики ждали, не зная, для какой работы ихъ задержали, но вотъ явился Бевилль съ своимъ пакетомъ, — въ пакетѣ были прокламаціи, которыя слѣдовало напе-

чатать къ утру; Сенъ Жоржъ, управляющій типографіею, приказалъ набирать ихъ. Говорятъ, что наборщики хотѣли не послушаться,—но, хотѣли или не хотѣли, были заставлены работать. Подлѣ каждаго наборщика стали два жандарма, одинъ справа, другой слѣва; набираемые документы были для скорости набора разрѣзаны на не большіе куски, такъ что никто изъ наборщиковъ и не могъ видѣть полнаго смысла набираемыхъ имъ строкъ. Въ проклама-ціяхъ этихъ президентъ говорилъ, что законодательное собраніе — гнѣздо заговоровъ; объявлялъ его распущеннымъ; возстановлялъ право выборовъ безъ всякаго ценза; предлагалъ новую конституцію; снова клялся, что его обязанность — сохранить республику; объявлялъ Парижъ и двѣнадцать сосѣднихъ департаментовъ находящимися на военномъ положеніи. Одна изъ прокламацій была обращена къ войску: въ ней онъ раздражалъ злобу солдатъ на не военныхъ напоминаніемъ о пораженіяхъ войска въ 1830 и 1848 годахъ.

Президентъ написалъ письма, которыми увольнялъ своихъ министровъ, не участвовавшихъ въ заговорѣ; но эти письма были отправлены къ нимъ уже только по утру; подписалъ также бумагу, назначавшую Морни министромъ внутреннихъ дѣлъ. — Была поздняя ночь. Заговорщики уже приняли важныя мѣры, послѣ этихъ мѣръ останавливаться уже было очень опасно, — но все еще не было совершенной невозможности остановиться. Они еще могли разорвать письма, дававшія отставку министрамъ, — они не могли надѣяться, чтобы не разнеслись по городу извѣстія о ихъ замыслѣ, когда наборщики будутъ выпущены изъ плѣна; но наборщики сами не знали въ точности значенія прокламацій, которыя набирали: еще можно было утаить текстъ, и даже замаскировать характеръ прокла-

маціи; но вслѣдъ за тѣмъ были сдѣланы шаги уже безвозвратные.

Передъ тѣмъ, какъ они были сдѣланы, пока еще можно было вернуться, бодрость измѣнила, какъ разсказываютъ, нѣкоторымъ изъ елисейской братіи; они упали духомъ, а одинъ изъ нихъ даже и сказалъ, что не рѣшается идти дальше. Но Флери, какъ разсказываютъ, повелъ этого человѣка одного съ собою въ сосѣднюю комнату, заперъ дверь, вынулъ пистолетъ, сталъ передъ струсившимъ товарищемъ, и сказалъ, что сію же минуту застрѣлитъ его, если онъ будетъ колебаться. Я употребляю здѣсь выраженіе „говорятъ“,—но я могу сказать, что вѣрность этого разсказа признана однимъ изъ двухъ лицъ, между которыми происходила эта сцена наединѣ.

Но почему бы то ни было, по бодрости ли духа, или по страху, заговорщики продолжали свое полночное дѣло. Приказъ военнаго министра Маньяну былъ подписалъ въ самое глубокое время ночи, — вѣроятно, въ половинѣ третьяго, потому что въ три часа онъ былъ уже въ рукахъ Маньяна.

Около того же часа ночи, Мопа послалъ нѣсколькимъ полицейскимъ приказаніе немедленно явиться къ нему въ префектуру, чтобы получить отъ него распоряженія относительно иностранныхъ эмигрантовъ, прибытія которыхъ въ Парижъ, будто бы надобно ожидать по доставленнымъ ему свѣдѣніямъ. Въ половинѣ четвертаго комисары собрались въ префектуру. Мопа призывалъ къ себѣ въ кабинетъ каждаго изъ нихъ по одиночкѣ, и каждому давалъ особое порученіе, такъ что они ничего не знали другъ о другѣ, кто куда и зачѣмъ отправляются. Это былъ первый моментъ того періода дѣла, что тайна выходила за границы тѣснаго кружка нѣсколькихъ лицъ въ руки боль-

шаго числа второстепенныхъ агентовъ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ той ночи каждый изъ этихъ мелкихъ полицейскихъ чиновниковъ держалъ въ своихъ рукахъ судьбу Франціи: отъ него зависѣло исполнить приказаніе префекта, отдававшее страну во власть елисейской братіи, или, повинуясь закону, обнаружить заговоръ и тѣмъ повести заговорщиковъ подъ судъ. Распоряженіе Мопа состояло въ томъ, что онъ посланъ комисаровъ арестовать знаменитѣйшихъ генераловъ и важнѣйшихъ государственныхъ людей Франціи,—всѣхъ въ одну и ту же назначенную минуту; для одновременности арестованія каждому комисару было поручено сдѣлать только одинъ арестъ; каждому велѣно было взять отрядъ полицейскихъ и съ нимъ подойти къ дверямъ квартиры указаннаго ему для ареста лица нѣсколько по раньше назначеннаго времени, но ждать до четверти седьмого, и ровно въ четверть седьмого, не раньше и не позже, произвесть арестъ.

Въ шесть часовъ бригада пѣхоты, подъ командою Форе, уже стояла на quai d'Orsay; другая, подъ командою Дюлака, въ Тюильрійскомъ саду; третья, подъ командою Котта на place de la Concorde; четвертая, подъ командою Канробера, вмѣстѣ съ цѣлою дивизіею кавалеріи подъ командою Ребелля, около Елисейскихъ полей. Изъ того, что войска были поставлены именно на этихъ пунктахъ, надобно заключать, что главною заботою заговорщиковъ было въ это время еще не устрашеніе Парижа, этою заботою можно было еще повременить, городъ не могъ подняться такъ рано, —потому многія важнѣйшія части его и оставались еще не заняты войсками, — теперь пока войска имѣли назначеніемъ поддержать, въ случаѣ надобности, комисаровъ, разосланныхъ для арестованія,—три первыя бригады занимали тѣ пункты, по сосѣдству которыхъ были расположены квар-

тиры арестуемыхъ лицъ, — и ограждать безопасность елисейской братія и прикрывать ея бѣгство изъ Парижа въ случаѣ неудачи дѣла, — для этого и стоялъ тамъ Канроберъ съ пѣхотою и Ребелль съ кавалеріею.

Распоряженіе Мопа было исполнено акуратно и успѣшно: ровно въ четверть седьмого, — по тогдашнему времени года, это было еще до разсвѣта, — каждый комисаръ вошелъ въ назначенную ему дверь. Въ одну и ту же минуту комисары арестовали знаменитѣйшихъ генераловъ Франціи: генералъ Шаригарнье (главный генералъ крайнихъ монархистовъ), генералъ Бедо, генералъ Ламорисьеръ (тогда главный генералъ либеральной части монархистовъ, готовой на союзъ съ республиканцами въ случаѣ серьезной опасности, — которой еще не ждали, — со стороны президента), генералъ Кавеньякъ (главный генералъ умѣренныхъ республиканцевъ, генералъ Лефло, были подняты съ постелей и препровождены черезъ спящій городъ въ тюрьму. Въ ту же минуту, тоже было сдѣлано съ главными лицами, завѣдующими порядкомъ засѣданій законодательнаго собранія со многими главнѣйшими или опаснѣйшими по твердости характера депутатами: въ числѣ другихъ были арестованы Тьеръ, Міо (демократъ), полковникъ Шаррасъ (едва ли не даровитѣйшій изъ всѣхъ политическихъ военныхъ людей нынѣшней Франціи, — одинъ изъ не многихъ депутатовъ совершенно ясно понимавшихъ положеніе дѣлъ, какъ уже было замѣчено выше, ждавшій подобной катастрофы, предлагавшій простое, легкое средство устранить ее, но не успѣвшій убѣдить ни массу своихъ собратовъ республиканцевъ, ни массу монархистовъ, одинаково бывшихъ слѣпыми, а самъ не имѣвшій возможности принять команду, потому что былъ только полковникъ) и многіе другіе демократы; были арестованы и тѣ

не бывшія депутатами лица, которыя считались главными людьми тайныхъ обществъ. Общею цѣлію этихъ ночныхъ арестовъ было то, чтобы, когда городъ проснется по утру, армія увидѣла бы себя безъ генераловъ, стоящихъ за законъ, законодательное собраніе безъ людей, на которыхъ лежала обязанность созвать его, всѣ политическія партіи остались бы парализованы отсутствіемъ своихъ предводителей. Число всѣхъ лицъ, арестованныхъ въ четверть седьмаго ночью съ 1 на 2 декабря, было 78 человѣкъ; 18 изъ нихъ были депутаты.

Было еще темно, когда Морни съ отрядомъ пѣхоты пріѣхалъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, занялъ его и взялъ въ свои руки рукоятку того французскаго административнаго механизма, благодаря которому, человѣкъ, сидящій на этомъ мѣстѣ, распоряжается всею націею. Морни сѣлъ за этотъ столъ и уже диктовалъ по телеграфу во всѣ департаменты о томъ, съ какимъ энтузіазмомъ Парижъ принялъ новыя распоряженія, а Парижъ еще спалъ, и о новыхъ распоряженіяхъ еще никто не зналъ.

Когда стало свѣтать, парижане увидѣли на стѣнахъ прокламаціи президента, и постепенно узнали, что въ эту ночь арестовано множество знаменитѣйшихъ людей Франціи, что всѣ генералы, на помощь которыхъ могли бы расчитывать друзья закона и порядка, брошены въ тюрьмы; городъ узналъ объ арестахъ, какъ мы сказали, постепенно, и очень медленно. Газеты, за которыхъ привыкли люди хвататься, чтобы узнать факты, узнать правду о томъ, что думаютъ дѣлать другіе,—всѣ были захвачены и остановлены въ типографіяхъ.

Двери законодательнаго собранія были заперты; передъ ними стояли солдаты. Но депутаты, начавшіе сходиться на засѣданіе, нашли средство войти въ залъ собранія че-

резъ квартиру одного изъ сановниковъ законодательнаго собранія, находившуюся въ томъ же зданіи. Ихъ собралось уже очень много; нѣкоторые изъ нихъ успѣли отыскать Дюпена, своего президента; онъ было не хотѣлъ идти въ засѣданіе (14), но они заставили его идти въ залъ и сѣсть на его предсѣдательское кресло, когда вломился въ залъ отрядъ солдатъ и вытѣснилъ изъ него депутатовъ, нанося удары прикладами. Въ тоже самое время отрядъ легкой кавалеріи съ наглыми обидами разогналъ другихъ депутатовъ, толпившихся у боковыхъ дверей зала. Двѣнадцать человѣкъ изъ числа разгоняемыхъ депутатовъ были арестованы и отправлены въ тюрьму.

Между тѣмъ (все по утру 2 декабря) президентъ, сопровождаемый своимъ дядею, принцемъ Іеронимомъ, и графомъ Флаго, — который, кажется, до нѣкоторой степени зналъ о замыслѣ раньше, — съ множествомъ генераловъ, многочисленнымъ штатомъ проѣхалъ по нѣкоторымъ изъ главныхъ улицъ. Кажется, что по своей театральной маніи, онъ ждалъ отъ этого кавалькадированія рѣшительнаго торжества своему дѣлу; и точно, не популярность законодательнаго собранія (за реакціонное направленіе монархистовъ, господствовавшихъ въ немъ), внезапность и ловкость удара, нанесеннаго въ ту ночь, давала надежду на успѣхъ; но президентъ ошибся: онъ не сообразилъ, какими глазами все еще продолжалъ смотрѣть на его личныя претензіи насмѣшливый парижскій народъ. Минута, когда парижане перестали смѣяться надъ нимъ, была уже очень близка, но еще не пришла. Да онъ и не сдѣлалъ того, что нужно было для полученія аплодисментовъ, — не поѣхалъ хоть сколько нибудь на рискъ: онъ ѣхалъ по тѣмъ улицамъ и частямъ набережной, гдѣ стояли войска, подлѣ самыхъ солдатъ. Пріемъ, сдѣланный ему на улицахъ па-

рижанами, былъ ни расположенный, ни враждебный, а леденящій, спокойный и презрительный.

Встрѣтивъ такое фіаско, президентъ упалъ духомъ. Опять, хоть не такъ безнадежно, какъ въ Страсбургѣ и Булони, онъ былъ отеломленъ столкновеніемъ съ дѣйствительностію. И не удивительно было, что онъ смутился и оробѣлъ: по своей старой склонности, онъ сочинилъ и назначилъ разыграть въ этотъ день большой спектакль императорской встрѣчи его,—въ роли аустерлицкаго побѣдителя,— французскою націею. Когда, вышедши изъ комнаты, гдѣ все это сочинено и снабжено декораціями, онъ поѣхалъ по улицамъ, — онъ ѣхалъ, ѣхалъ и съ каждою минутою, съ каждымъ шагомъ все яснѣе видѣлъ, что Парижъ слишкомъ занятъ серьезными дѣлами, слишкомъ солиденъ и полонъ презрѣнія къ фокуснику, чтобы привѣтствовать его императоромъ;—вещь въ самомъ дѣлѣ замѣчательная: парижское населеніе было такъ надменно передъ нимъ, или такъ мало хотѣло думать о немъ, что не порадовало его даже тѣмъ, чтобы смотрѣть на него хоть съ любопытствомъ, котораго, казалось бы, заслуживалъ онъ послѣ продѣлки, устроенной тою ночью. Какъ же это, даже и не смотрятъ на него, вѣдь это онъ, императоръ, теперь ужь съ настоящею генеральскою свитою, на настоящихъ лошадяхъ, въ неподдѣльныхъ мундирахъ, — и день свѣтлый, можно бы видѣть его. Да, на него свѣтило настоящее, не сценическое солнце, но декабрьское, на которомъ замерзнетъ. Принцъ Луи-Наполеонъ поѣхалъ домой и больше не показывался въ публику.

Онъ безвыходно сидѣлъ въ Елисейскомъ дворцѣ, почти все одинъ, въ запертой комнатѣ,—сообщники не могли никого допускать къ растерявшемуся своему предводителю. Воротившись съ своей поѣздки, онъ, даже забывъ снять

свои регаліи, сѣлъ въ кабинетѣ, спиной къ окну, лицомъ къ камину, повѣсивъ голову, и сидѣлъ, сидѣлъ много, много часовъ, опершись локтями на колѣни, закрывъ лицо руками.

Такъ разсказываютъ, а какъ бы-то ни было, положительный фактъ то, что въ это время опасности сообщники его не допускали до него никого, не допускали до него и никакихъ извѣстій, кромѣ тѣхъ, какія передавали ему сами. Самъ ли онъ инстинктивно пожелалъ, или его сотоварищи и безъ его просьбы разсудили, что онъ губитъ ихъ своимъ унынiемъ, — но его устранили, оградили отъ всякихъ тревожныхъ извѣстій и стерегли; разсудили, что нельзя допускать до его ушей ничего, кромѣ того, что найдутъ удобнымъ сказать ему Персиньи или Флери, — разсудили, что невозможно допустить его увидѣть какого нибудь адъютанта, прискакавшаго отъ Сентъ-Арно, или Маньяна, или какого нибудь комиссара, пріѣхавшаго отъ Мопа съ извѣстіями, которыми разстраивался даже самъ Мопа.

Выгнанные изъ своего зала депутаты собрались въ Ратушѣ (mairie) 10-го округа (15). Тамъ, по предложенію знаменитаго Беррье (предводителя либеральнаго отдѣла легитимистовъ, или умѣренныхъ легитимистовъ) собраніе вотировало, что дѣйствія Луи-Наполеона лишаютъ его президентскаго сана (16) и постановило, что члены верховнаго суда должны собраться и приступить къ суду надъ президентомъ и его сообщниками. Только что были вотированы эти рѣшенія, какъ на дворъ Ратуши пришелъ батальонъ венсенскихъ стрѣлковъ и двинулся въ залъ. Одинъ изъ вице-президентовъ собранія вышелъ на встрѣчу солдатамъ, на лѣстницу и сказалъ: „Остановитесь, предоставьте свободу собранія“. Офицеръ, къ которому прямо

относились эти слова, понялъ опасность порученія, потому ему и отвѣчалъ: „я не больше, какъ исполнитель,— пойду спросить новаго приказанія у своего командира“.

А между тѣмъ подошли еще нѣсколько батальоновъ бригады Форе, вмѣстѣ съ самимъ Форе и окружили Ратушу. Венсенскимъ стрѣлкамъ было скомандовано: „заряжай“. Къ дверямъ зала подошли два полицейскіе комисара,—объявили, что имъ приказано очистить залъ, просили собраніе не противиться этому. Депутаты отказались уступить. Пришелъ третій комисаръ, — сталъ говорить болѣе повелительнымъ языкомъ, — но также поколебался, когда ему объяснили противозаконность исполняемаго имъ порученія. Наконецъ пріѣхалъ адъютантъ Маньяна съ письменнымъ приказомъ командиру батальона очистить залъ, если понадобится, то и силою, — и отвесть въ Мазасскую тюрьму всѣхъ депутатовъ, которые будутъ противиться. Языкъ этого приказа свидѣтельствуетъ, какъ малодушно прикрывался Маньянъ обязанностью повиноваться военному министру: онъ не забылъ прибавить снова, что дѣлаетъ свое распоряженіе „вслѣдствіе приказаній военнаго министра“. Въ залѣ было тогда около 220 депутатовъ; всѣ они объявили, что не хотятъ удаляться, и уступятъ только силѣ. Президента Дюпена тутъ не было, потому что предсѣдательствовалъ старшій вице-президентъ Бенца д'Ази; полицейскіе взяли подъ руки его и другаго вице-президента и повели изъ зала. Всѣ депутаты пошли за ними, и, между двумя рядами солдатъ, пошли по улицамъ за своими вице-президентами; плѣнное собраніе шло чрезъ rue de Grenelle, rue St-Guillaume, rue Neuve de l'Universiié, rue de Beanne, и наконецъ было приведено на quai d'Orçay. Въ ихъ лицѣ, Франція шла плѣнная по улицамъ своей столицы, — такое зрѣлище было грустно

смотрѣвшимъ на него парижанамъ, — но грусть этихъ зрителей была похожа на чувство, съ какимъ люди, проходя мимо какой нибудь непріятной уличной сцены, жалѣючи, что никто не приходитъ прекратить ее, а сами идутъ мимо. Депутаты, собиравшіеся въ Ратушу, слишкомъ надѣясь на силу закона (17), позабыли, или не захотѣли позаботиться, чтобы собралось большое стеченіе народа по сосѣдству зала, въ которомъ они засѣдали; зрители этого конца свободныхъ учрежденій не были многочисленны, — это были только люди, случайно проходившіе мимо. Не было между ними бури негодованія. Въ злой часъ, республиканцы приняли законъ, чтобы представители народа получали жалованье; это узаконеніе подорвало кредитъ собранія, потому что уничтожало мнѣніе о безкорыстіи, которымъ облагораживается парламентъ въ глазахъ свободнаго народа. Парижскіе работники, храбрые и воинственные, но не простяки и отчасти люди завистливые, сравнивали свою поденную плату съ платою депутатамъ, и не находили основаній становиться за людей, которые служатъ патріотами по найму за 25 франковъ въ день (18). Но уже по своему развитому чувству, тонко замѣчающему разницу между пристойнымъ и не пристойнымъ, парижскій простолюдинъ былъ расположенъ оскорбляться сценою, которую теперь видѣлъ. Онъ разсуждалъ, какъ ему поступить при этомъ зрѣлищѣ, которое выводило Францію изъ ряда свободныхъ государствъ. А между тѣмъ отворились ворота казармы d'Orsay, депутаты были введены на ея дворъ и ворота опять затворились.

Было еще только два часа дня. Нужно было дожлаться темноты, чтобы сдѣлать то, что хотѣли дальше сдѣлать съ этими плѣнными. Въ половинѣ пятаго, три депутата пришли къ казармѣ и потребовали, чтобы ихъ также отвели

къ прежнимъ плѣнимъ. Въ половинѣ девятаго, вечеромъ, были приведены въ казарму 12 депутатовъ, взятыхъ солдатами у дворца законодательнаго собранія. Такимъ образомъ теперь было въ казармѣ 232 депутата.

Въ три четверти десятаго, въѣхало на дворъ казармы множество закрытыхъ фуръ безъ оконъ, — тѣхъ фуръ, въ которыхъ возятъ преступниковъ; всѣ депутаты были брошены въ нихъ и были отвезены — одни въ Валерьенскій фортъ, другіе въ Венсенскій фортъ, третьи — въ Мазасскую тюрьму. Такимъ образомъ, къ разсвѣту 3-го декабря, всѣ знаменитые люди законодательнаго собранія и всѣ лучшіе генералы Франціи были въ тюрьмахъ: кромѣ Шангарнье, Бедо, Ламорисьера, Кавеньяка и Лефло, кромѣ Тьера, полковника Шарраса, Міо, арестованныхъ ночью, теперь сидѣли въ плѣну еще 232 депутата въ томъ числѣ люди знаменитые: Беррье (предводитель либеральныхъ легитимистовъ), Одилонъ Барро (предводитель либеральныхъ орлеанистовъ), Гюставъ де Бошонъ, Бенца д'Ази, герцогъ Брольи, адмиралъ Сесилль, Шамболль, де Корселль, Дюфоръ, Дювержье де Гораннъ, де Фаллу, генералъ Лористонъ, Ланжюинэ, герцогъ де Моннъ, герцогъ Монтебелло, генералъ Раду Лафоссъ, генералъ Удино, Ремюза, Токвилль. Въ числѣ этихъ 232 человѣкъ находилось 12 человѣкъ бывшихъ министровъ, въ томъ числѣ 9 человѣкъ, бывшихъ министрами во времена президентства Луи-Наполеона. — Таковы были люди, брошенные въ тюрьму; а бросавшіе ихъ были: принцъ Луи-Бонапарте, Морни, Мопа, Сенгъ Арно урожденный Ле-Руа, — дѣйствующіе по совѣту и согласія Фіалени де Персиньи, подъ понужденіемъ отъ Флери. Правда, что этимъ людямъ помогала армія; но мы видѣли, что Маньянъ, командовавшій ею, прятался подъ приказъ военнаго министра,

и если бы былъ преданъ суду въ случаѣ неудачи, то безъ сомнѣнія сталъ бы доказывать, что былъ только орудіемъ, а не самостоятельнымъ лицомъ, когда дѣлалъ все то, что дѣлалъ.

По конституціи 1848 года, преступленія противъ нея подвергались преслѣдованію верховнаго суда, особенно ужрежденнаго только для этихъ дѣлъ. Онъ собрался; отрядъ солдатъ вошелъ въ залъ, судьи были согнаны съ своихъ мѣстъ. — но прежде, чѣмъ солдаты вошли, они успѣли составить формальный актъ о томъ, что начинаютъ процессъ противъ „бывшаго президента“, и сходя съ своихъ мѣстъ, объявили, что только „отсрочиваютъ продолженіе засѣданія до дня, который будетъ опредѣленъ ими по усмотрѣнію“, и приказали отнести къ „бывшему президенту“ формальную повѣстку о томъ, что онъ преданъ суду.

Уже издавна, храбрые парижане привыкли встрѣчать беззаконіе вооруженнымъ сопротивленіемъ. Но теперь было много причинъ, заставлявшихъ парижскій народъ находить, что въ настоящую минуту было бы неблагоразумно обращаться къ оружію. Событія 1848 года наполнили людей ужасомъ, внушили имъ ненависть къ соціализму. Люди, испытавшіе, что значитъ цѣлые мѣсяцы и годы трепетать за свою жизнь и собственность, были доведены этимъ до такого унылаго состоянія, что готовы были стать за всякое правительство, хоть бы и беззаконное, противъ всякаго возстанія хотя бы и законнаго (19). Надобно прибавить, что чувство пренебреженія къ президенту не исчезло тотчасъ же послѣ переворота, сдѣланнаго въ ночь съ 1 на 2 декабря: мы увидимъ, что оно было уничтожено бойнею 4 декабря; но до вечера 4 декабря, самая эксцентричность дѣла такъ напоминала собою Страсбургскій фарсъ

и нелѣпую сцену въ Булони, что въ продолженіе цѣлыхъ 54 часовъ послѣ разсвѣта 2 декабря, негодованіе публики ослаблялось чувствомъ, что все это дѣло — не болѣе, какъ смѣшно. Всѣ презрительно говорили: „Сулукъ, сулукъ“! — да, Луи-Наполеонъ казался Парижу похожъ на пера, провозгласившаго себя императоромъ и разыгравшаго изъ себя пародію на Наполеона I; а многимъ казалось, что подражаніе 18-му Брюмера, сочиненное президентомъ теперь, точно такая же кукольная комедія, какъ его прежнія подражанія возвращенія съ Эльбы. Разница была очень видна всякому: на этотъ разъ, труппа принца состояла не изъ нѣсколькихъ десятковъ людей въ поддѣльныхъ мундирахъ, съ поддѣльными знаменами, — онъ распоряжался для своего спасенія всѣми средствами могущественнѣйшаго гражданскаго и военнаго административнаго механизма въ цѣломъ свѣтѣ; но все таки, господствовала мысль, что онъ спотыкается, быстро самъ летитъ съ ногъ, скоро будетъ въ необходимости спасовать и подвергнется наказанію. Кромѣ этого чувства, бездѣйствіе объявляется и тѣмъ, что заговорщики успѣли парализовать національную гвардію, что масса работниковъ не видѣли ничего противнаго своимъ интересамъ въ дѣлѣ 2 декабря. Уничтоженіе ценза и немедленное предоставленіе народу права избрать диктатора для Франціи (20) были приманками, которыми обольстилось много честныхъ, легковѣрныхъ сердецъ между парижскими работниками; а менѣе благородные, доступные чувству зависти съ удовольствіемъ смотрѣли на продѣлку, посредствомъ которой люди, подобные Ламорисьеру, Бедо, Кавеньяку, подобные де-Люину, Токвилю, Герцогу Брольи, были запрятаны въ полицейскіе фуры для мошенниковъ, были развезены въ нихъ по тюрьмамъ персонами, подобными Морни, Мопа и

Сентъ-Арно, урожденному Ле-Руа (21). По всему этому, не было достаточнаго матеріала на то, чтобы немедленно формировались силы для вооруженнаго возстанія. Богатый и средній классъ негодовали, но ужасались мысли о возстаніи; бѣдному классу она была менѣе страшна, но въ немъ не было негодованія. Кромѣ того,—вещь извѣстная, — въ парижскомъ населеніи тогда и не было настоящей боевой силы. Она всегда изобиловала воинственными и отважными людьми, для которыхъ бой самъ по себѣ — наслажденіе; но тогда эта часть французскаго народа еще не существовала, и успѣла возродиться послѣ уничтоженія результатовъ великой битвы Іюньскихъ дней 1848 года, арестами, эмиграціей, ссылками, слѣдовавшими за пораженіемъ инсургентовъ. Люди баррикадъ были тогда лишены оружія, лишены своихъ предводителей и истреблены до такой степени, что не многіе уцѣлѣвшіе были слишкомъ малочисленны для серьезной борьбы; ихъ безпомощность еще болѣе обезсиливалась теперь тѣмъ, что въ ночь съ 1 на 2 декабря вдругъ изчезли ихъ командиры, главные люди тайныхъ обществъ,—внезапно арестованные подобно депутатамъ и генераламъ и сидѣвшіе теперь по тюрьмамъ.

Впрочемъ еще былъ остатокъ старыхъ инсургентскихъ силъ, — было нѣсколько людей, хотѣвшихъ попытаться построить нѣсколько баррикадъ; была горсть другихъ людей, рѣшившихся на то же самое не по любви къ возстаніямъ, а по другимъ, почти прямо противоположнымъ побужденіямъ: горсть людей, въ которыхъ было столько мужества, столько гордости, столько преданности закону и свободѣ, что они не могли не взяться за оружіе противъ декабрьской продѣлки,—знаменитѣйшимъ изъ этихъ людей былъ Викторъ Гюго (22). Онъ и нѣкоторые другіе

депутаты, избѣжавшіе ареста, составили изъ себя „Комитетъ Сопротивленія“, чтобы силою оружія отстоять власть закона. Они сформировали свой комитетъ въ первый же день кризиса 2 декабря.

Нѣсколько депутатовъ отправилось въ Сентъ-Антуанское предмѣстье поднимать народъ. Имена этихъ депутатовъ были: Шёльше (Шёльхеръ, Schoelcher), Боденъ. Обри, Дюваль. Ше, Малардье, де-Флоттъ (23), и нашли энергическихъ товарищей себѣ въ Курне, квартира котораго сдѣлалась помѣщеніемъ ихъ штаба, Кавье Дюррье. Кесслерѣ, Рюэнѣ, Лемстрѣ, Вабрибонѣ (Wabrilon), Ле-Женѣ и другихъ журналистахъ демократическихъ газетъ. Больше своею личною энергіею, чѣмъ содѣйствіемъ народа, они успѣли построить маленькую баррикаду на углу улицы Св. Маргариты. Противъ нихъ пошелъ батальонъ 19-го пѣхотнаго полка, — и произошла сцена, думая о которой, сначала улыбнешься, потомъ чувствуешь не вольное удивленіе къ трогательной совѣстливости, — почти педантству, — этихъ храбрыхъ людей, хотѣвшихъ испытать не побѣдитъ ли вооруженную силу безоруженное могущество закона. Положивъ ружья, перекинувъ чрезъ плечо свои депутатскіе шарфы, чтобы солдаты видѣли, что они представители націи, депутаты эти стали передъ баррикадою, — одинъ изъ нихъ, Шарль Боденъ, держалъ въ рукѣ экземпляръ конституціи. Приблизившись на нѣсколько шаговъ къ баррикадѣ, шедшая въ аттаку колонна остановилась. Нѣсколько секундъ царствовало молчаніе: съ одной стороны былъ законъ, признанный Франціею, — съ другой былъ линейный батальонъ. Но дѣло зависѣло отъ принятія правила: „закону должно повиноваться“, — а командиръ батальона не считалъ этого правила аксіомой; посмотрѣвъ молча нѣсколько секундъ на безорж-

ныхъ депутатовъ, онъ сдѣлалъ командный жестъ, солдаты передней шеренги приложились, взвели курки... еще секунда— и пули полетѣли. Боденъ палъ безъ дыханія: голова его пробита была нѣсколькими пулями; упалъ также мертвымъ еще другой депутатъ; нѣсколько другихъ были ранены. Конституція выпала, изъ руки, которая держала ее. Уцѣлѣвшіе взяли свои ружья. Одна изъ ихъ пуль убила офицера скомандовавшаго стрѣлять. За тѣло Шарля Бодена загорѣлся бой, о какихъ говоритъ иліада. Батальонъ остался побѣдителемъ: четверо солдатъ подняли и унесли трупъ Бодена. Масса Сентъ-Антуанскихъ простолюдиновъ держалась въ сторонѣ; эта попытка сопротивленія не удалась, умерла.

Послѣ того, комитетъ сопротивленія сталъ возводить свои баррикады, — мѣстомъ ихъ былъ лабиринтъ переулковъ между Hôtel de Ville и сосѣднею частью бульваровъ, — привычный центръ парижскихъ возстаній. Но инсургенты по своей малочисленности не имѣли возможности занять также и дома, примыкающіе къ баррикадамъ; войска, не подвергаясь фланговому огню изъ оконъ, могли безопасно двигаться по улицамъ, и легко брали баррикаду за баррикадой. Это дѣло началось 2 декабря, заняло и часть слѣдующаго дня. Потомъ наступленіе войскъ ослабилось; ночь съ 3-го на 4 и все утро 4-го числа, инсургенты почти съ безпрепятственной свободою провели въ постройкѣ баррикадъ на этомъ центральномъ пунктѣ Парижа.

ПРИМѢЧАНІЯ

Н. Г. Чернышевскаго

КЪ РАЗСКАЗУ О ГОСУДАРСТВЕННОМЪ ПЕРЕВОРОТѢ ВО ФРАНЦІИ 2 ДЕКАБРЯ, 1851.

(1) Это правда, она не могла жить, потому что не удовлетворяла почти никого; она была страною амфибіей между республиканскимъ и монархическимъ устройствомъ: въ сущности дѣла президентъ имѣлъ власть болѣе обширную, чѣмъ прежній король, и гораздо болѣе эфектное по тогдашнему времени основанія для этой власти: выборъ былъ въ глазахъ массы французовъ болѣе хорошимъ правомъ на довѣріе, чѣмъ наслѣдственность. На бумагѣ, эта черта французской конституціи казалась заимствованною изъ американской (президентъ избирается націею, а не законодательною властью; право назначенія министровъ принадлежитъ президенту); но по различію отношеній, на дѣлѣ выходило совершенно иное. Американцы имѣли привычку не давать никакой безотвѣтственности министрамъ; президентъ ихъ назначающій и предсѣдательствующій въ ихъ совѣтѣ, былъ не болѣе, какъ повѣренный американцевъ. Насмѣшливо и утрированно, но очень ярко выставляется это отношеніе извѣстнымъ анекдотомъ о томъ, какъ какой-то честный портной или сапожникъ въ Вашингтонѣ шелъ по улицѣ, прогуливался, дѣлать было ему нечего; онъ шелъ мимо

«Бѣлаго Дома», въ которомъ живетъ президентъ, «дай зайду» — зашелъ, «зачѣмъ вы?» спрашиваетъ его слуга, онъ сказалъ, — «пожалуйте» — слуга провелъ его по всѣмъ парадныхъ комнатамъ, ремесленникъ очень внимательно осматривалъ мебель, и вышелъ изъ «Бѣлаго Дома» успокоившись: онъ заходилъ посмотрѣть, не крадетъ ли или не портитъ ли президентъ казенную мебель. Во Франціи привычки были не тѣ. Перенести слова американской конституціи во французскую, значитъ, перенесть мебель изъ Бѣлаго Дома въ Тюльери. Мебель та же, но ея значеніе для посѣтителей будетъ другое: кресло будетъ стоять на мѣстѣ престола. — Надобно сказать, что изъ 1.200 членовъ конституціоннаго собранія, вотировавшаго конституцію 1848 г., 900 человѣкъ очень хорошо понимали это, но они были люди; одни изъ нихъ ошиблись въ выборѣ средства для достиженія своихъ цѣлей, другіе прежними ошибками отняли у себя возможность отвратить ошибку въ этомъ случаѣ. Собранія дѣлились по вопросу объ этой (статьѣ) чертѣ конституціи такимъ образомъ: около 600 голосовъ принадлежало людямъ, желавшимъ возстановленія монархіи; но республика была провозглашена еще такъ недавно, что въ ту пору (осень 1848 г.) невозможно было думать о попыткѣ возстановленія; надобно было сдѣлать отсрочку; да притомъ они и сами еще не поладили между собою, котораго изъ двухъ претендентовъ возстановить, — легитимистскаго, или орлеанскаго; и по этому также была нужна имъ отстрочка; а между тѣмъ, важно было, чтобы во время отстрочки сущность администраціи была согласна съ монархическими преданіями, т. е., чтобы самъ глава совѣта министровъ имѣлъ прямое самобытное значеніе въ глазахъ націи, для этого американская форма была удобна, нація прямо выбираетъ президента, онъ носитъ свой санъ независимо ни отъ кого. Около 300 человѣкъ изъ республиканцевъ (Кавеньякъ, Марра (Marrast) полагали, что нечего дѣлать, надобно принять американскую форму, что вѣроятность возстановленія монархіи гораздо меньше, чѣмъ возможность новаго, еще болѣе страшнаго возстанія, подобнаго ужасной Іюньской рѣзнѣ. Вотъ, только эти 300 человѣкъ и ошибались

тогда въ пониманіи положенія дѣлъ; они не замѣтили, что ударъ, нанесенный крайнимъ республиканцамъ велѣдствіе Іюньскаго пораженія республ. инсургентовъ, былъ слишкомъ тяжелъ, что крайніе республиканцы надолго стали безсильны. Но и эта ошибка была натуральна: ошибавшіеся сами нанесли этотъ ударъ, они еще не успѣли убѣдиться, что прежніе противники дѣйствительно стали безопасны для нихъ: какая армія ждетъ, что война кончается на другой день послѣ боя? — она еще долго все остерегается новыхъ попытокъ нападенія, содержитъ усиленные караулы, держится въ лагерномъ порядкѣ. И такъ, эти 300 человѣкъ думали: «надобно еще принимать мѣры предосторожности противъ враговъ;» а главная мѣра предосторожности противъ новаго возстанія была, конечно, усиленіе значенія правительства и главы правительства въ глазахъ націи. Для этого американская форма была удобна, и они вотировали ее вмѣстѣ съ монархистами; и такъ, только они не замѣтили того, что форма, вотируемая ими, не сообразна съ республиканскими учрежденіями при данномъ положеніи; остальные 300 республиканцевъ видѣли это, какъ видѣли монархисты, потому вотировали противъ. Они еще такъ недавно были во враждѣ съ другими 300 республиканцами, что не могли убѣдить ихъ въ искренности своего желанія мириться, а можетъ быть, еще и въ самомъ дѣлѣ считали дѣломъ возможнымъ скоро оправиться и возобновить борьбу: но по нежеланію ли умѣренныхъ республиканцевъ мириться съ ними, или потому, что недостаточно сами хлопотали объ этомъ, они были въ ту минуту безсильны въ собраніи. Вотъ сущность дѣла: 600 голосовъ было за американскую форму, какъ за полезную для возстановленія монархіи; 300 голосовъ было за нее, какъ за полезную для сохраненія тишины; эти 300 ошиблись, тѣ 600 въ сущности дѣла не ошиблись, но въ своихъ надеждахъ ошиблись; возстановилась не та монархія, какой они хотѣли.

Почему же было таково положеніе дѣлъ осенью 1848 года, что монархисты вотировали за республиканское учрежденіе, половина республиканцевъ за учрежденіе, требуе-

мое монархистами? — Здѣсь было бы не умѣстно, длинно объяснять это, но сущность дѣла состояла въ томъ, въ чемъ теперь признаются разсудительные люди обѣихъ боровшихся партій и каждаго изъ двухъ главныхъ отдѣловъ, боровшихся внутри каждой партіи: правительство орлеанской династіи надѣлало очень много ошибокъ и тѣмъ возстановило противъ себя общественное мнѣніе. Республиканцы вздумали, что могутъ, пользуясь этимъ, низвергнуть монархическія учрежденія; легитимисты смотрѣли на нихъ съ удовольствіемъ, даже помогали имъ, думая совершенно справедливо: «низвергайте, пожалуйста, Луи-Филиппа, вы этимъ приведете только націю къ возведенію на престолъ государя изъ другой династіи, потому что французы еще не думаютъ о республиканскихъ учрежденіяхъ, а привычки у нихъ монархическія». Это была совершенная правда; ошибались легитимисты только въ томъ, что думали: «единственный серьезный претендентъ — нашъ; вѣдь бонапартійской партіи вовсе не существуетъ между политическими людьми». Между политическими людьми, дѣйствительно, почти вовсе не было бонапартистовъ; легитимисты ошиблись только въ томъ, что не думали о равнодушіи массы ко всякимъ политическимъ партіямъ, равнодушіе, которое существуетъ не только почти на всемъ континентѣ Европы (кромѣ развѣ Швейцаріи), но и въ самой Англіи, гдѣ масса — нынѣ въ восторгѣ отъ Росселя, завтра восхищается Кобденомъ, послѣ завтра — Робертомъ Пилемъ, а вообще знаетъ только «парламентъ — восхитительная вещь» и «да здравствуетъ король» (или королева); — а что такое дѣлаетъ парламентъ, какое значеніе имѣетъ король, этого и въ Англіи масса не знаетъ: ей некогда думать объ этомъ. Въ Англіи, политическіе люди, наученные долгимъ опытомъ, увидѣли всѣ, что время бороться противъ слова «парламентъ» уже прошло, что время успѣшно бороться противъ титула «короля» еще не настало; а династія и дворъ убѣдились, что политическіе люди дѣйствительно такъ думаютъ. Потому, по общему соглашенію династіи, двора и политическихъ людей всѣхъ партій, согласились оставить внѣ круга борьбы престолъ и парламентъ, не поднимать массу

ни противъ того, ни противъ другого, потому что всѣ попытки къ этому кончались бы или у ж е не успѣхомъ, или еще не успѣхомъ. Потому въ Англіи ужъ довольно давно все идетъ у ж е мирно и е щ е мирно. Но Франція занялась политическою жизнію новаго направленія гораздо позднѣе Англіи; у политическихъ людей и у двора Франціи еще нѣтъ столько опытности, чтобы дворъ убѣдился искренно въ невозможности бороться противъ парламентской формы; оттого, политическія партіи и принуждены безпрестанно обращаться къ крайнему напряженію силъ націи, — а масса націи, тоже еще не опытная поддается на эти попытки, — то ловится на словѣ «республика» и воображаетъ, что можемъ уже отбросить прежнюю привычку любить короля, — то ловится на словѣ «король» и воображаетъ, что не навидитъ республику, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ мало понимаетъ, что такое за вещь республика, что такое монархія и какая разница между этими формами, и есть ли между ними какая нибудь разница, въ самомъ дѣлѣ интересная для нея, французской націи. И такъ, легитимисты думали поймать націю на словѣ республика, чтобы замѣнить государя одной династіи государемъ другой; а республиканцы все усердно работали въ пользу республики, но сами они стали замѣчать, что слово республика плоховато что-то интересуетъ народъ, кажется ему пресноватo и непонятно: чѣмъ бы подправить его по народному вкусу? — думали, думали, — и рѣшили: подправить соціальною теоріею. Это было тѣмъ натуральнѣе, что почти всѣ республиканцы были не совсѣмъ старовѣры въ политической экономіи: любили побранивать Мальтуса, кстати Адама Смита, кстати даже и Жанъ-Батиста Сэ. и Мишеля Шевалье и Росси; но они занялись этимъ только между дѣла и отъ нечего дѣлать; это казалось имъ вещью не важною, и вотъ этою мелочью, по ихъ мнѣнію, они поладили съ соціалистами. Соціалисты (особенно Луи-Бланъ, бывшій въ 1846—1847 годахъ главнымъ представителемъ въ публикѣ и у простолюдиновъ, какъ Эжень Сю — у парижскихъ швей) повѣрили, что республиканцы очень сильно полюбили соціализмъ, и принялись работать для возбужденія массы на пользу республиканцевъ, а рес-

публиканцы стали говорить тономъ соціалистовъ. Парижскіе простолюдины знали, что такое соціализмъ, но не знали опредѣленно, что такое республика; они не знали что у нихъ во Франціи слово Республика означаетъ вовсе не то, что въ Швейцаріи, или Америкѣ, тамъ, что оно значитъ то, что во Франціи называется «парламентское правленіе», по примѣру Англіи; въ Англіи это выраженіе «парламентское правленіе» было принято въ концѣ XVII вѣка, чтобы кончить волненія полюбовною сдѣлкою. Теперь уже и сами англичане забыли это (т. е., и масса простого народа, и публики, и писателей, — забыла). Французы, съ голоса забывшихъ смыслъ своего слова англичанъ, тоже ошиблись, не сообразили, что нынѣшняя англійская форма отличается отъ нынѣшней швейцарской только именемъ, только титуломъ перваго правителя: въ Англіи, этотъ сановникъ называется — первый министръ, въ Швейцаріи президентъ республики; форма правленія одна и таже. Но дѣйствительно, есть фактъ, соотвѣтствующій разницѣ названій: въ сторонѣ отъ настоящаго правительства (комитета, составляемаго изъ господствующей въ нижней палатѣ партіи, которому поручаетъ это дѣло партія; — лицо это—первый министръ, комитетъ-министерство, въ которомъ онъ предсѣдатель), въ сторонѣ отъ этого правительства въ Англіи, стоитъ дворъ, центръ котораго—династія. Дворъ не имѣетъ силы вмѣшиваться въ управленіе государствомъ, онъ видѣлъ уже очень давно, что безсиленъ противъ парламента, т. е., въ сущности противъ нижней палаты, которая безусловно проводитъ по всѣмъ важнымъ дѣламъ свою волю, допуская верхнюю палату только быть своею совѣтницей, пока остается сама холодна, но какъ только въ нижней палатѣ большинство одной партіи надъ другою твердо, и какъ только большинство горячо хочетъ чего нибудь, верхняя палата отступается отъ своихъ совѣтовъ и соглашается на все, чтобы не возбуждать серьезной борьбы, въ которой, какъ сама знаетъ, погибла бы. Будучи убѣждена въ томъ, что верхняя палата не служитъ и не желаетъ служить серьезнымъ ограниченіемъ ея власти, нижняя палата оставляетъ ее существовать, какъ безвредную для себя въ сущности, чтобы

не волновать массу напрасною борьбой. Точно такъ, объ палаты вмѣстѣ оставляютъ существовать дворъ, который не служитъ серьезнымъ ограниченіемъ власти парламента и комитета (министерства), управляющаго дѣлами по порученію нижней палаты. Въ Швейцаріи нѣтъ ни палаты перовъ, ни двора; отъ этого сущность дѣла очевиднѣе, чѣмъ въ Англіи; но и тамъ, и здѣсь она одна и таже. Какую же форму должно принять стремленіе Франціи къ такому управленію, какъ въ Англіи и Швейцаріи: сохранится ли дворъ и палата перовъ, какъ въ Англіи, устранится ли? Тутъ былъ споръ не изъ за сущности дѣла, но только изъ за внѣшняго вида его, но споръ очень горячій. Искренніе приверженцы парламентскаго управленія съ сохраненіемъ англійскихъ формъ (династическая оппозиція, т. е. оппозиція, желавшая сохранить орлеанскую династію, но не одобрявшая системы управленія, по которой Луи-Филиппъ имѣлъ очень большую дѣйствительную власть, какой вовсе не имѣетъ въ Англіи царствующее лицо) не могли поладить съ республиканцами. Это и было едва ли не главною причиною всѣхъ волненій, междоусобицъ и переворотовъ, начавшихся въ 1847 году агитаціею противъ высокаго ценза (династическая оппозиція) имѣвшею своимъ предводителемъ Одилона Барро, началось это движеніе при помощи всѣхъ другихъ недовольныхъ; когда оно разгорячило умы, то по вѣкогдашнему закону стало переходить подъ руководство людей болѣе смѣлыхъ республиканцевъ; не осторожное рѣшеніе Луи-Филиппа и Гизо дѣйствовать силою вмѣсто того, чтобы успокоить броженіе уступкою, произвело Февральскій взрывъ; это былъ довольно ранній періодъ агитаціи, характеръ ея предводителей не опредѣлился, публика видѣла всякихъ недовольныхъ королемъ, созывающимъ ее на борьбу— противъ чего? публика не успѣла еще разобрать: противъ ли министерства Гизо, или противъ всей системы управленія Луи-Филиппа, или противъ англійскихъ учрежденій, или противъ еще чего нибудь другого? Публика не могла разобрать 25 февраля, кто же побѣдилъ 24 февраля; но побѣда была рѣшена битвою, бойцами были парижскіе работники, нельзя было не уважить ихъ, потому провозглашена

была республика; а въ собраніе, которому было поручено устроить республиканскій порядокъ, попали безъ разбора всѣ, кто прежде вооружался противъ низвергнутаго правительства: человѣкъ 300 легитимистовъ, человѣкъ 300 бывшей династической оппозиціи (орлеанисты), человѣкъ 300 умѣренныхъ республиканцевъ, которые желали только парламентскаго правленія съ устраненіемъ двора, и человѣкъ 300 представителей радикальныхъ тенденцій грамотной части простонародья (красные и соціалисты). Отъ этого, и республика, и конституція вышли не удобоисполнительныя ни для кого.

(2) Въ американской конституціи нѣтъ правила, запрещающаго вновь выбирать прежняго президента. Но республиканцы, вотировавшіе вмѣстѣ съ монархистами, понимали, чего хотятъ монархисты, потому монархисты и должны были сдѣлать имъ эту уступку, чтобы сохранить ихъ голоса: республиканцы ждали, когда вотировали конституцію, что монархисты будутъ имѣть кандидатами на президенство кого нибудь изъ своихъ, и хотѣли помѣшать неопредѣленному продленію власти монархическаго президента, еслибъ онъ былъ выбранъ.

(3) Такія условія дѣйствительно не благоразумны. Если большинство законодательнаго собранія разсудительно, оно само удержится отъ опрометчивыхъ дѣйствій; если же оно не разсудительно, никакія ограниченія не дадутъ благоразумія людямъ, распоряжающимся дѣлами, т. е. все таки тому же большинству. Тогдашнее законодательное собраніе состояло болѣе, чѣмъ на двѣ трети, изъ монархистовъ и приверженцевъ президента, хотѣвшихъ измѣнить это правило. Но остальные были республиканцы; еслибъ они предвидѣли, что выйдетъ, они уступили бы; но они думали, что на президентскихъ выборахъ имъ удастся провести своего кандидата, если тогдашній президентъ не будетъ въ числѣ кандидатовъ. И монархисты, и республиканцы, какъ видимъ теперь, ошиблись. Правило именно потому и было вставлено въ конституцію 1848 года, что республиканцы тогдашняго собранія (1848 г.) ждали, что въ слѣдующемъ собраніи

монархисты будутъ имѣть большинство. А когда оба отдѣла республиканской партіи въ собраніи 1848 г. соединялись, они имѣли большинство, потому что къ нимъ присоединялись тѣ изъ монархистовъ, которые не желали тогда рѣшительной борьбы или по любви къ спокойствію, или по разсчету, что выгоднѣе отложить ее. Парламентское большинство въ сущности не можетъ быть связываемо ни чѣмъ, кромѣ своего благоразумія, или безсилія самаго парламента. Въ Англіи veto верхней палаты примѣняется, какъ мы сказали, лишь къ мелкимъ случаямъ; королевское veto — вовсе не примѣняется на дѣлѣ, оно остается лишь на бумагѣ. Но такъ какъ въ Англіи у ж е нѣтъ и е щ е нѣтъ такихъ вопросовъ, изъ за которыхъ та или другая партія готовы были бы идти на смертный бой, то обѣ онѣ, которая бы ни была въ большинствѣ, дѣйствуютъ не слишкомъ горячась. Напрасно приписывать это благоразумію англійской натуры, это просто особенность положенія историческаго періода, не болѣе, какъ симптомъ извѣстнаго положенія дѣлъ по вопросамъ внутренней политики. По иностраннымъ дѣламъ нижняя палата часто горячится очень сильно, но тутъ вѣдь уже обѣ партіи сближаются сильно по сущности дѣла.

(4) Монархисты законодательнаго собранія продолжали считать опаснѣйшими своими врагами республиканцевъ, а президента менѣе опаснымъ, и притомъ такимъ, котораго могутъ они уничтожить даже безъ борьбы, при первомъ серьезномъ покушеніи его противъ существующаго порядка, потому что они думали въ такомъ случаѣ соединиться противъ президента съ республиканцами: они полагали, что самъ по себѣ онъ ничего не значитъ, что онъ только намѣстникъ поддерживаемый ими въ ожиданіи, пока имъ придетъ время открыто поставить своего президента на его мѣсто.

(5) Дѣйствительно, это чистая неправда. Собраніе избѣгало всякой борьбы съ президентомъ, опасаясь, что если раздражить его, онъ обернется къ республиканцамъ; онъ и точно, постоянно дѣлалъ нѣкоторыя попытки этого, думая,

не согласятся ли республиканцы на продленіе его власти, если онъ возьметъ министровъ изъ ихъ партіи, т. е. отдастъ управленіе дѣлами въ ихъ руки, лишь бы сохранить за собою первое мѣсто въ государствѣ; по какой системѣ управлять государствомъ, ему все равно, лишь бы считаться первымъ по почету лицемъ. Онъ не имѣлъ политическихъ убѣжденій, кромѣ одного, что онъ долженъ быть главою французской державы. Но дѣло въ томъ, что дѣйствительно, монархисты оставляли его на мѣстѣ не для него, а для себя, они не дѣйствовали противъ него, но вели дѣла къ тому, чтобы поскорѣе пришла возможность замѣстить этого повѣреннаго или президентомъ монархической партіи, или и прямо королемъ.

(6) Въ арміи тогда и состояла конечно сущность дѣла. Но армія стала за президанта не по этому чувству, которое было слабо, да и то было возбуждаемо лишь искусственнымъ образомъ. Важность заключается въ томъ, что по самому характеру военной дисциплины, армія обязана исполнять команду, какую бы ни получила; и такъ, слѣдовало лишь замѣнить однихъ командировъ другими, и армія стрѣляла въ какую угодно сторону; положеніе солдата въ строю таково, что онъ не можетъ поступать иначе. Пока Шангарнье былъ главнокомандующимъ, монархистамъ нечего было бояться арміи. Главная ошибка монархистовъ была въ томъ, что они дали Луи-Наполеону волю выдвинуть въ командиры людей, не бывшихъ монархистами; этими назначеніями дѣло было рѣшено, если монархисты не пошлютъ своихъ генераловъ принять команду надъ войсками прежде, чѣмъ войска будутъ поставлены въ строй. Войско въ строю — не больше, какъ машина, дѣйствующая штыками, палашами, пулями и ядрами. За тѣмъ оно и устраивается; чѣмъ ближе подходитъ оно къ этому идеалу, тѣмъ оно лучше. Въ отличной арміи два полка будутъ сражаться одинъ съ другимъ, какъ гладіаторы.

(7) Подпись президента, по закону, не имѣла никакой силы безъ контрассигнировки министра.

(8) Это и правда. Масса искренно подавала голосъ за

него, но не потому, что была за него, а потому, что была тогда на сторонѣ его покровителей, монархистовъ, какъ за полгода передъ тѣмъ была на сторонѣ республиканцевъ: кого бы ни рекомендовали ей тогда монархисты, она выбрала бы всякаго: и Шангарнье, и всякаго другого: но счастье Луи-Наполеона было въ томъ, что монархисты не успѣли сойтись ни на какомъ другомъ кандидатѣ: легитимисты не соглашались на орлеанистскихъ кандидатахъ, орлеанисты—на легитимистскихъ: нейтральнаго не нашлось ни кого, кромѣ него; на него сильнѣе всѣхъ указывалъ Тьеръ; указывалъ также Эмиль Жирарденъ; покровительство Тьера было главною опорою его счастья; содѣйствіе Эмиля Жирардена было полезно потому, что Жирарденъ, журналистъ необыкновенно даровитый, не имѣлъ себѣ соперниковъ между людьми, занимавшимися политическою полемикой; газета Жирардена, «Presse», была тогда наиболѣе читаемою и любимою, она отняла сотни тысячъ, если не два-три милліона голосовъ у Кавеньяка. Жирарденъ былъ равнодушенъ къ вопросу о монархической, или республиканской формѣ правленія. Человѣкъ вполнѣ практическій, онъ видѣлъ безсиліе умѣренныхъ республиканцевъ сдѣлать что нибудь, видѣлъ, что надобно сдѣлать что нибудь для успокоенія Франціи, — думалъ, что всякое твердое правительство займется реформами, истинно полезными, потому говорилъ: не надобно колебаться, надобно отдать власть или монархистамъ, или крайнимъ республиканцамъ, кому нибудь, для него было все равно, только отдать ее въ руки людей съ опредѣленными планами реформъ. Онъ думалъ, что при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, и монархисты должны будутъ дѣлать широкія реформы; крайніе республиканцы были поражены тогда Іюньскимъ ударомъ; потому онъ сталъ за монархистовъ и могущественно поддерживалъ ихъ кандидата. Послѣ онъ также увидѣлъ, что ошибся,—увидѣлъ очень скоро, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ выборовъ, но уже было поздно. Никто не повредилъ кандидатству Кавеньяка столько, какъ онъ.

(9). Все это правда. Но всего этого было бы мало, успѣхъ былъ просто насильно взваленъ на плеча прези-

денту силою хода обстоятельствъ; точно такъ и съ такимъ же успѣхомъ дѣйствовалъ бы на его мѣстѣ и всякій другой политическій авантюристъ, глупый или умный, все равно, лишь бы человѣкъ, не служащій какому нибудь опредѣленному убѣжденію, а думающій только о томъ, чтобы захватить побольше власти. Тутъ совершалась во Франціи извѣстная басня,—и нѣсколько разъ, и при послѣднемъ разѣ шла (при посредствѣ) въ присутствіи Луи-Наполеона, прежде присутствовали другіе, и поступали также. Басня вотъ какая: левъ и медвѣдь поймали оленя общими трудами; поймавши, разодрались изъ за раздѣла добычи; оба они — звѣри почти равносильные, потому бой былъ почти равно тяжелъ для обѣихъ; они оба перебранились и изнурились, — медвѣдь былъ побѣжденъ; но левъ остался едва живъ, и не могъ ничего сдѣлать противъ лисицы, которая спокойно пришла, сѣла и стала кушать оленя предъ глазами неподвижнаго льва. Напрасно басня говоритъ, что это была именно лисица, также успѣшно и спокойно могъ бы кушать очень не сильный передъ здоровымъ львомъ или медвѣдемъ всякій звѣрь, лишь бы имѣлъ влеченіе къ мясной пищѣ и привелось ему проходить по сосѣдству: волкъ, шакалъ, собака,— все равно, большой хитрости не требуется. Хитрость будто только въ томъ, чтобы дождаться безопаснаго времени, потому что, сунься этотъ слабый звѣрь одною минутою раньше, левъ и медвѣдь бросили бы (хоть на минуту) драку и растерзали посторонняго посѣтителя; но это ожиданіе вѣдь не отъ хитрости, — оно просто отъ сознанія своей слабости передъ борющимися: какъ сунется, когда жилы дрожатъ отъ страха, ноги не двигаются? Страшно, ревъ идетъ ужасный; ревъ утихъ, раздается глухой хрипъ побѣжденнаго, слабые стоны побѣдителя, ноги зрителя идутъ впередъ, потому что жилы его перестали дрожать, а вкусный видъ оленьяго мяса уже давно тянулъ къ себѣ его аппетитъ. Эта пьесса нѣсколько разъ повторилась во Франціи въ бурное время 1847 (конца)—1851 (до конца) года. Два отдѣла орлеанистовъ (Гизотовскій и Тьеровскій) пошли на смертный бой изъ за власти; когда оба отдѣлали другъ друга такъ, что французы подумали: тѣ и другіе никуда не

годятся, негодяи,—то пришли республиканцы и взяли власть (Февральская революція). Очень слабые до Февральской революціи, республиканцы стали дѣйствительно очень сильны, когда успѣли взять власть; во Франціи всегда такъ: масса народа любитъ спокойствіе, если какая нибудь рука, благодаря случаю, захватитъ команду надъ арміею, желѣзными дорогами и телеграфомъ, народъ думаетъ: «а богъ съ ними, пусть управляютъ, какъ хотятъ, вѣдь мы-то по совѣсти говоря передъ самими собою, этихъ ихъ дѣлъ не понимаемъ, изъ за чего тамъ они спорятъ въ палатѣ и въ газетахъ, хоть и говоримъ другимъ, что понимаемъ,—чортъ ихъ разберетъ, а любопытно послушать и почитать, потому что занимательно, какъ романъ,—такъ и пусть себѣ управляютъ, лишь бы не мѣшали намъ заниматься нашими серьезными дѣлами: пахать землю, работать на фабрикахъ, заводахъ, торговать, быть фабрикантами, помѣщиками, — намъ, пахарямъ и землевладѣльцамъ, фабричнымъ и фабрикантамъ, мелкимъ лавочникамъ и негоціантамъ, нехочется ссориться съ арміею, полиціею и всѣмъ чиновничествомъ изъ-за формы правленія; пусть себѣ управляютъ, лишь бы былъ порядокъ, безъ котораго намъ нельзя заниматься дѣлами». И такъ, если бы сами республиканцы не подняли новаго шума ссорою между собою, сидѣли бы они правителями: но два ихъ отдѣла, красные и умѣренные поссорились и отдѣлали другъ друга (теперь уже не на однихъ словахъ, а и оружіемъ на улицахъ Парижа), такъ что одинъ изъ соперниковъ (красные, соціалисты) остался на мѣстѣ за мертво, другой (умѣренные республиканцы) тотчасъ послѣ побѣды тоже повалился, истекая кровью (ужасная трехдневная іюньская битва 1848 г., — такая, что современи Ватерлооской до сихъ поръ едва ли была столь кровопролитная и ожесточенная, кромѣ главнаго севастопольскаго штурма. Число убитыхъ, конечно, неизвѣстно: дрались вѣдь не одни состоявшіе въ спискахъ полковыхъ штабовъ или въ спискахъ красныхъ клубовъ, — дрались всякіе люди, и женщины и дѣти, пули поражали всѣхъ, отъ архіепископа, тоже убитаго пулею, до малютокъ,—кто считалъ?—кто можетъ сосчитать? — но число убитыхъ было едва ли меньше, чѣмъ

потомъ при Маджентѣ или Сольферино, а вѣроятно больше). И такъ, республиканцы сами перебили себя; пришли монархисты и взяли власть (выборы президента; Луи-Наполеонъ выбранъ какъ повѣренный монархистовъ); министры-монархисты начальствуютъ арміею — монархисты; истинный повелитель Франціи — повѣренный монархистовъ, генералъ Шангарнье, главнокомандующій арміею въ Парижѣ и сосѣднихъ департаментовъ и національною гвардіею Парижа и этихъ департаментовъ (по военнаго округа): онъ можетъ по первому слову своихъ повѣрителей, монархистовъ, арестовать президента; это для Шангарнье также легко, какъ отправить на гауптвахту провинившагося ротнаго командира. Но монархисты ссорятся, — шумъ опять только на словахъ, потому что въ іюнѣ бойцы на военномъ оружіи перебиты; на словахъ ссоры тянутся долго, потому эта ссора идетъ долго; легитимисты думаютъ: «Шангарнье чуть ли не орлеанистъ; не смѣнить ли его»? Орлеанисты думаютъ: «Шангарнье чуть ли не легитимистъ,—не смѣнить ли его»? (а Шангарнье—просто человѣкъ, желающій возстановленія королевской власти, т. е. правленія, какое было съ 1815 до 1848 г.; ему все равно, орлеанисты или легитимисты будутъ управлять). И такъ оба отдѣла монархистовъ говорятъ: смѣнить Шангарнье. Смѣняютъ. Безъ Шангарнье остаются командирами генералы, готовые служить, пожалуй, и президенту; они идутъ къ нему и говорятъ: «не угодно ли принять власть, — мы полагаемъ, что при васъ намъ будетъ лучше служба, чѣмъ при монархистахъ, когда намъ загораживали дорогу люди, исключительно преданные монархическому порядку, — между тѣмъ какъ для насъ всякій порядокъ хорошъ, лишь бы былъ порядокъ и было бы служащимъ людямъ хорошее повышеніе по службѣ, — принимайте-ка власть; мы люди простые, военные, этихъ формъ не знаемъ какъ онѣ устраиваются,— такъ форму устройте вы». — «Хорошо», говоритъ президентъ, назначаетъ своихъ людей на главныя мѣста по командованію войсками и полиціею—и дѣло сдѣлано,—тогда происходитъ и эфектная развязка (2 декабря 1851 г.) Что тутъ хитраго? Дѣло простое. Сначала приходятъ монархи-

сты и говорятъ: возьмите-ка покуда титулъ президента. — «Хорошо-съ», отвѣчаетъ Лун-Наполеонъ. Потомъ приходятъ генералы и говорятъ: «возьмите-ка кстати ужь и власть президента или императора, вѣдь это все равно. — «Очень благодаренъ», говоритъ Лун-Наполеонъ. И не по его хитростямъ приходили къ нему, хоть онъ и хитрилъ, — хитрость была видна почти всѣмъ, насквозь, а потому, что не къ кому было прйдти, кромѣ какъ къ нему.

(10) Это даже и не искусство, это дѣйствуетъ само данное положеніе, сама натура. Вообразите, въ предыдущей баснѣ простяка волка, смотрящаго на бой медвѣдя и льва, все еще нерѣшительный бой, и прибавьте обстоятельство, что бьющіеся требуютъ отъ зрителя: «прими чью нибудь сторону» — какъ онъ будетъ переминаться, вилять туда и сюда, и все таки не двигаться съ мѣста, просто потому, что если онъ подойдетъ близко и одинъ изъ борющихся задѣнетъ его лапою, то изъ него тутъ же и духъ вылетитъ, но опять же и не переминаться нельзя, потому что вѣдь кто-жъ нибудь одолѣетъ, — и если, если останется не очень израненъ? Отгонитъ его отъ лакомаго оленя, да еще пожалуй царапнетъ слегка за то, что не помогалъ. Чтожь ему дѣлать, какъ не переминаться и не вилять? Такъ поступила бы даже и самая простодушная, добрая сабака, и не заслужила бы тѣмъ ни репутаціи хитрости, ни репутаціи двоедушія: нѣтъ, въ ней дѣйствовала только основательная робость. Похвалу или порицаніе заслуживаетъ только то, съ какими намѣреніями было выжиданіе и какъ зритель воспользовался успѣхомъ, давшимся ему въ руки безъ всякаго его искусства.

(11) Отказали потому, что деньги свои президентъ расходовалъ главнымъ образомъ на подкупъ войскъ. Увеличивать его содержаніе значило увеличивать подкупы.

(12) Этотъ законъ опредѣлялъ, что для права подавать голосъ на выборахъ нужно имѣть извѣстную давность мѣста жительства; такимъ образомъ работники, часто перемѣняющіе мѣсто жительства, теряли право голоса, и число избирателей уменьшалось съ 9 милліоновъ до 6 и даже до 5.

Три или четыре милліона, терявшіе право голоса, вотировали большею частію за «красныхъ». Въ этомъ и состояла цѣль закона, чтобы отнять важнѣйшую часть силы на выборахъ у «красной» партіи. — такъ тогда назывались, кромѣ прежнихъ, «красные» 1849 года (партія Ледрю-Роллена) и соціалисты и почти всѣ умѣренные республиканцы — всѣ эти три отдѣла лѣвой стороны уже принуждены были тогда вновь помириться и дѣйствовать за одно, какъ было до 1848 года, потому что опять уже чувствовали свое безсиліе въ одиночествѣ другъ отъ друга, — безсиліе, до котораго довели другъ друга ссорами въ апрѣлѣ и маѣ 1848 г., когда соединенными силами умѣренныхъ и красныхъ республиканцевъ подавлены были соціалисты, потомъ іюньскою битвою, когда силою умѣренныхъ республиканцевъ (резервъ которыхъ составляли монархисты) подавлены были парижскіе работники,—а кстати запутаны въ дѣло и обезсилены красные республиканцы, — хотя это возстаніе было чисто возстаніе проголодавшихся людей, и никто изъ политическихъ дѣятелей не принималъ въ немъ участія: красные и соціалисты видѣли, что, въ случаѣ возстанія, погибель инсургентовъ неизбѣжна при тогдашнихъ обстоятельствахъ, потому всячески отклоняли отъ него работниковъ; но голодъ былъ сильнѣе разсудка въ несчастныхъ. Доказано, что подстрекателями были одни, малочисленные тогда, — бонапартисты; но ихъ подстреканіе не было важно; существенною причиною возстанія была крутость и опрометчивость, съ которою закрыты были знаменитыя «національныя мастерскія», нелѣпое учрежденіе, устроенное умѣренными республиканцами въ противодѣйствіе соціалистамъ; когда основатели убѣдились, что соціалисты дѣйствительно обезсилены майскими неудачными агитаціями, они тотчасъ же рѣшили закрыть національныя мастерскія, какъ уже не нужныя противъ соціалистовъ; закрыть ихъ слѣдовало, — онѣ стоили огромныхъ расходовъ и были устроены нелѣпо, пріучали къ праздности (принципомъ ихъ было: не давать серьезной работы, а только занимать день работника пустяками), — но сдѣлать такую перемѣну слѣдовало не въ одинъ же день, а постепенно, чтобы дать набраннымъ въ нихъ десяткамъ

тысячъ людей время разойтись по фабрикамъ; поступили не такъ: закрыли въ одинъ день; на другой день работникамъ ихъ не начто было купить хлѣба, и они поднялись. Масса инсургентовъ билась ни изъ за чего, ни съ какими надеждами, кромѣ отчаянія. Потому-то такой ужасной битвы не было еще никогда на улицахъ Парижа. Даже рѣзни большой революціи ничтожны передъ этою, — даже то побоище, которымъ проложилъ себѣ карьеру Наполеонъ I, — когда въ первый разъ было открыто имъ, что главное искусство въ подобныхъ случаяхъ — умѣнье дѣйствовать картечью на близкой дистанціи (Вандемьерское возстаніе съ знаменитымъ продольнымъ картечнымъ огнемъ по улицѣ Ле-Пельтье).

(13) Все это очень преувеличено, хоть часть правды тутъ есть. Солдаты всегда смотрятъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ на не военное населеніе городовъ, въ которыхъ стоятъ; это можно сказать и объ австрійской, и о прусской, и даже объ англійской арміи. Но изъ этого ничего не слѣдуетъ: солдатъ чувствуетъ свою силу только въ дисциплинѣ, въ умѣньи держаться строемъ, въ единодушномъ дѣйствіи по командѣ. Конечно, всякому солдату покажется странно быть подъ прямымъ начальствомъ человѣка не военнаго, но не военный и не возьметъ прямого начальства, потому что не умѣетъ командовать. Солдаты парижскаго гарнизона даже и не замѣтили бы, отъ кого назначенъ командиръ, стоящій передъ ихъ фронтомъ, лишь бы онъ былъ генералъ, и лишь бы полковые, батальонные, ротные командиры встрѣчали его за несомнѣннаго, подлиннаго своего командира,—а они не могли бы поступать иначе. Собраніе конечно назначило бы командиромъ своего охранительнаго корпуса генерала. Оно отвергло проэктъ не по опасенію раздражить армію, а по нежеланію ссориться съ президентомъ, котораго все еще считало безсильнымъ, — такъ оно само понимало это; а на самомъ дѣлѣ тутъ уже дѣйствовалъ инстинктъ, что президентъ можетъ въ случаѣ ссоры обратиться къ республиканцамъ и къ парижскому народу; республиканцы въ это время уже начинали нѣсколько, — хоть еще очень мало,—оправляться отъ прежнихъ пораже-

ній, а парижскіе простолюдины тогда ненавидѣли собраніе, какъ реакціонное. Президента не любили, ни республиканцы, ни простолюдины, но считали его менѣе сильнымъ врагомъ, чѣмъ монархистовъ.—Солдаты были нѣсколько расположены къ президенту, — они полагали, что онъ хлопочетъ объ увеличеніи жалованья имъ; кромѣ того, онъ часто угощалъ ихъ. Но это расположеніе было слабо, да еслибъ и было много сильнѣе, то ничего еще не значило бы: армія исполняетъ волю той власти, приказанія которой принимаетъ командиръ, распоряжающійся ея дѣйствіями; не надобно забывать, что армія — орудіе войны, устроенное именно такъ, чтобы дѣйствовать механически. Если бы въ ночь 2 декабря Кавеньякъ (республиканецъ) или Шангарнье (монархистъ) не спалъ, а собралъ нѣсколько человѣкъ адъютантовъ и разослалъ ихъ по казармамъ съ приказаніями, догадавшись во время принять на себя роль диктатора (или генерала законодательнаго собранія, все равно, — лишь бы роль главнаго командира), то адъютанты его преспокойно повели бы солдатъ арестовать президента, военнаго министра и всѣхъ другихъ заговорщиковъ. Это и говорилъ Шарась уже нѣсколько дней, но не успѣлъ во время втолковать никому изъ старшихъ генераловъ монархической или республиканской партіи; — а самъ онъ не могъ принять команды, потому что еще не былъ даже и бригаднымъ генераломъ (генералъ маіоромъ). Когда Шангарнье, Кавеньякъ, Ламорисьеръ, арестованные, ѣхали въ тюрьму, то конечно, каждый изъ нихъ вспоминалъ: «эхъ, если бы я хоть вчера подъ вечеръ догадался, что дремать не слѣдуетъ, что уже пора принять мѣры.

(14) Дюпенъ старшій — трусливый эгоистъ; бывши повѣреннымъ по частнымъ дѣламъ Луи-Филиппа, т. е. бывши очень близкимъ, домашнимъ человѣкомъ орлеанскаго короля, онъ не постыдился потомъ увѣрять, что обратился въ республиканскую вѣру,—теперь былъ опять монархистомъ, потому что монархисты имѣли твердую надежду возстановить королевскій престолъ, — черезъ нѣсколько времени не постыдился принять должность, впрочемъ, независимую и чистую должность по высшему судилищу Франціи, касса-

ціонному суду, при Луи-Наполеонѣ. Онъ не безчестный человѣкъ, каковы герои разсказываемой Киглекомъ драмы, но одинъ изъ самыхъ плохихъ по характеру между дѣятелями временъ, предшествовавшихъ имперіи. Въ душѣ онъ орлеанистъ, на сколько можетъ безъ вреда себѣ быть имъ.

(15) Парижъ былъ раздѣленъ тогда на 12 частей (округовъ или мэрій); mairie — зданіе полицейскаго управленія округомъ, съ прекраснымъ заломъ, довольно крѣпкое, ограждаемое полицейскими солдатами округа; мэръ 10-го округа былъ самый преданный изъ всѣхъ мэровъ монархическому большинству законодательнаго собранія.

(16) Конституція 1848 года говорила, что если президентъ предприметъ что либо противъ законнаго порядка или противъ законодательнаго собранія, онъ этимъ самымъ дѣломъ уже низлагаетъ себя съ своего мѣста, — что законодательное собраніе даже уже и не смѣетъ рѣшать этого, а только заявляетъ, какъ фактъ уже совершившійся, и что даже не ожидая и этого заявленія со стороны законодательнаго собранія, а тѣмъ больше по его заявленію, собирается верховный судъ, члены котораго уже впередъ назначены, и дѣлаетъ распоряженіе объ арестованіи преступника, если онъ еще не арестованъ. — Постановленія конституціи были, какъ видимъ, очень точны и сильны; но, какъ мы знаемъ, законодательное собраніе было непопулярно и непредусмотрительно. Фортъ ничего не значитъ, какъ бы силенъ ни былъ, если гарнизонъ не умѣетъ владѣть орудіями, а кромѣ того, спитъ, не поставивъ караульныхъ, — пять человѣкъ безъ всякой помѣхи перелѣзли тайкомъ черезъ стѣну, заперли двери казармы,—а тѣ все еще спали,—привезли пушку со стѣны, чрезъ которую перелѣзли, зарядили пушку картечью, навели въ окно казармы, и тогда закричали: «вставайте, господа, и сдавайтесь: видите, фитиль готовъ и картечь въ пушкѣ ваша собственная, прекрасная». Спавшіе вздумали было погорячиться съ просонья, еще не понявъ милаго оборота, но черезъ минуту, какъ увидимъ ниже, опомнились, разсудили, что поздно, сдались и сами связывали другъ другу руки! Такова была

часть мелодрамы, относившаяся къ конституціи и законнымъ властямъ. Она была дѣйствительно водевильна. Но потомъ надъ народомъ, надъ окрестными жителями, которыхъ долженъ былъ охранять фортъ, разыгралась другая часть мелодрамы, менѣе забавная. Кинглекъ будетъ разсказывать о ней черезъ нѣсколько страницъ. Истолкованіе же первой части пьесы: фортъ — конституція 1848 года, построеніе очень уродливое, по смѣшенію въ немъ совершенно разнохарактерныхъ системъ, но впрочемъ, при всей своей уродливости, само по себѣ крѣпкое; пушки на стѣнахъ форта суть войска, артиллеристы же гарнизона суть генералы и государственные люди Франціи, обязанные употреблять оныя пушки на оборону онаго форта, пушка же привезенная къ окну казармы, есть часть французской арміи (4 бригады пѣхоты и проч.), обращенная на укрощеніе духа таковыхъ артиллеристовъ, картечь же есть подлинная картечь, съ присовокупленіемъ пуль, палашей и другихъ обыкновенныхъ видовъ оружія.

(17) Отчасти, конечно они руководились этимъ чувствомъ; но главное было то, что они недовѣряли парижанамъ: огромное большинство собиравшихся были монархисты (какъ и сами вице-президенты); созвать народъ, значило звать его на баррикады; они не знали, пойдетъ ли онъ на баррикады по ихъ призыву, и несомнѣнно знали, что крикъ на баррикадахъ былъ бы vive la république,— и при томъ навѣрное даже vive la république démocratique et sociale. Это было страшнѣе для нихъ, чѣмъ все, чего самые предусмотрительные или самые боязливые могли ждать для себя (и по ихъ мнѣнію для Франціи) отъ самого крупнаго наполеоновскаго деспотизма. Въ эти минуты прямо предложилась къ немедленному отвѣту въ мысляхъ каждаго депутата знаменитая тогдашняя полемическая фраза: la France, sera-t-elle cosaque (napoléonienne) ou sociale (rouge, barbare)? — и всѣ монархисты отвѣчали: лучше пусть будетъ наполеоновскою, чѣмъ красною. Они не захотѣли понять, что именно napolienne и будетъ rouge, гораздо болѣе rouge, чѣмъ все, чего они боялись отъ соціалистскаго терроризма, легковѣрно созданнаго ихъ робкою фантазіею. Еслибъ не это, у депутатовъ

достало бы мужества остановиться, хоть и шли они между двухъ рядовъ штыковъ, закричать народу и скомандовать (народу) солдатамъ: «вяжи батальонныхъ», и навѣрное, сами солдаты конвоя также машинально перевязали бы своихъ командировъ, какъ прежде арестовали своихъ плѣнниковъ и пошли бы вмѣстѣ съ народомъ на другихъ солдатъ, командиры которыхъ не струсили бы, а Маньянъ, главнокомандующій, навѣрное струсилъ бы и бѣжалъ бы. Дѣло еще могло бы повернуться и въ эти минуты. Но депутаты, не лишенные мужества лично за себя, боялись отдавать Францію въ руки враговъ, которыхъ по своему заблужденію считали болѣе вредными для нея, чѣмъ того врага, который арестовалъ ихъ. Они не струсили, они поступили честно; они только ошибались все еще и въ эту минуту, какъ прежде, какъ, по всему, что видно со стороны, продолжаетъ до сихъ поръ ошибаться и масса французскихъ роялистовъ, сильная сочувствіемъ большей части департаментовъ, и масса французскихъ республиканцевъ, сильная расположеніемъ простолюдиновъ Парижа. Эти массы, рознящіяся между собою не столько по существу стремленій, сколько по именамъ, которыми зовутъ ихъ, все еще не могутъ, кажется, понять другъ друга. Въ мелкихъ частныхъ дѣлахъ такія ошибки, можетъ быть, неизвинительны, когда тянутся такъ упрямо, такъ долго; но въ исторіи народовъ иначе не бываетъ; всегда бываетъ нужно очень много времени, чтобы партіи поняли другъ друга и примирились хоть на столько, чтобы дружно стремиться къ тому, чего одинаково желаютъ. Быть можетъ, это жалко; быть можетъ, это дико; но это идетъ чрезъ всю исторію всѣхъ націй, и несправедливы къ французамъ тѣ, которые судятъ о нихъ дурно изъ за этого грустнаго недоразумѣнія ихъ. Даромъ и скоро ничто не достается націямъ; все пріобрѣтается только долгимъ, труднымъ опытомъ жизни.

(18) Кинглекъ тутъ понимаетъ дѣло, какъ тори; если бы рѣчь шла о мнѣніи французскихъ легитимистовъ крайняго отдѣла, онъ былъ бы правъ. Но даже легитимисты отдѣла Беррье навѣрное не совсѣмъ такъ смотрѣли на дѣло. Смѣшно и вредно для кредита нынѣшней англійской нала-

ты общинъ было бы, еслибъ ея члены вздумали назначить себѣ жалованье: всѣ они люди съ независимыми отъ своего обыденнаго труда средствами жизни, почти всѣ люди богатые. Другіе и не идутъ въ нынѣшнюю палату общинъ и не могутъ итти, если бы даже захотѣли голодать въ ней; въ Англіи еще остается обычай, что почти всѣ расходы по выборамъ несетъ самъ кандидатъ. Не говоря о подкупѣ, безъ котораго не обходится дѣло въ мелкихъ городахъ (болѣе убыточныхъ для кандидатовъ, чѣмъ большіе города и графства), — совершенно чистые и публичные расходы на выборы довольно велики, печатаніе объявленій, наемъ помѣщеній для предварительныхъ собраній избирателей, наемъ прислуги, безъ которой нельзя же обойтись при такихъ хлопотахъ, и проч. т. п., — все это стоитъ тысячъ и тысячъ рублей каждому кандидату. — Во Франціи издавна обычай совершенно иной, такой же какъ въ Америкѣ; тамъ кандидатъ въ сторонѣ; онъ хлопочетъ лишь у главныхъ людей своей партіи, чтобъ они рекомендовали его комитету партіи, завѣдующему выборами, — хлопочетъ за себя передъ этимъ комитетомъ,—и только; комитетъ назначаетъ или отвергаетъ претендента на кандидатство; если онъ отвергнутъ, онъ отходитъ въ сторону: не кому подавать голосъ за него на выборахъ; если комитетъ назначаетъ его своимъ кандидатомъ, ему опять не остается ничего дѣлать самому: всѣ хлопоты ведетъ комитетъ, — деньги на это вноситъ по подпискѣ вся партія. Потому во Франціи, какъ въ Америкѣ, или въ депутаты и люди, живущіе своимъ трудомъ, не имѣющіе лишнихъ денегъ: они сильно нуждались: занятія по депутатству отнимали много времени, т. е. и дохода у этихъ не богатыхъ адвокатовъ, медиковъ, журналистовъ, не богатыхъ купцовъ, маленькихъ фабрикантовъ, — всѣ это знали; имъ справедливо было получать вознагражденіе. Это понимали всѣ во Франціи, кромѣ одного очень небольшаго отдѣла одной изъ множества партій. А въ особенности понимали это парижскіе работники: вѣдь они были республиканцы, а коренымъ правиломъ республиканцевъ было: «государство не нищій; оно не принимаетъ даромъ ни чьихъ услугъ; за всякую службу—жалованье; иная служба обидна

для націи и вредна, потому что не акуратна». Надъ жалованьемъ депутатамъ шутили, какъ шутятъ надъ всѣмъ, но шутили невинно, понимая, что шутятъ, а что въ самомъ дѣлѣ жалованью слѣдуетъ быть, по французскимъ обычаямъ; да и жалованье было очень умѣренно: 25 фр. въ день — около 9.000 фр. въ годъ, — это жалованье члена суда второй инстанціи, или чиновника, соотвѣтствующаго нашему начальнику отдѣленія, не больше. Парижане не любили тогдашнихъ депутатовъ не за ихъ жалованье, а за то, что они были люди не той партіи, какъ сами парижане.

(19) Это совершенная правда, но опять надобно выразиться точнѣе. Все время съ марта 1848 г. до декабрскаго переворота дѣйствительно было проведено образованными классами въ постоянномъ опасеніи возстаній, рѣзни и грабежа. До іюньской рѣзни, они дѣйствительно могли опасаться попытокъ насильственнаго введенія экономическихъ преобразованій, — хотя теперь уже и давно доказано, что ни одинъ изъ тогдашнихъ представителей соціализма во Франціи не думалъ объ этомъ, — напротивъ, всѣ до одного они считали всякое насиліе вреднымъ и поставляли всю надежду на успѣхъ въ дѣйствованіи мирнымъ и законнымъ путемъ объясненій. Но положимъ, тогда не хотѣли имъ вѣрить въ этомъ; положимъ, до іюня могли опасаться ихъ. А чего-жъ было бояться ихъ послѣ іюньской битвы, какіе бы умыслы они ни имѣли? Они были уничтожены, они были совершенно безсильны вредить, или волновать, еслибъ и хотѣли. Но толпа продолжаетъ кричать, когда уже не о чемъ кричать, и сама запугиваетъ себя своимъ крикомъ. Это было все то же самое, какъ нашъ почтенный Сергѣй Глинка продолжалъ предостерегать русскую націю противъ Наполеона I до конца своей жизни, когда не только самъ Наполеонъ, но вѣроятно уже и Гудсонъ Лау, стороживший его на Св. Еленѣ, умеръ давно. Почтенный ратникъ 1812 года продолжалъ и въ 1832 году и позднѣе воображать, что Кутузовъ стоитъ въ тарутинскомъ лагерѣ и что завтра Мюратъ внезапно аттакуетъ его авангардъ. — Эта фантазія заднимъ числомъ постоянно дѣйствуетъ въ исторіи, и на-

прасно порицать за нее только нашего милаго ратника, трепетавшаго мыслію на 20 лѣтъ назадъ, или тогдашнихъ образованныхъ французовъ, трепетавшихъ въ концѣ 1851 года врага, забитаго ими же самими на поваль лѣтомъ 1848 года. Масса англичанъ до сихъ поръ все воображаетъ, что папа собирается не нынѣ — завтра въ расплохъ захватить ихъ въ свои руки,—это фантазія заднимъ числомъ уже слишкомъ на 250 лѣтъ. — Но изъ фантазіи ничего важнаго въ дѣйствительности не выходитъ: она можетъ только замаскировать дѣйствительныя причины. Французы фантазировали на тему: «соціализмъ ужасенъ» и трепетали; это правда: но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что они приводимы были въ трепетъ дѣйствительно своею фантазіею,— трепетъ происходитъ отъ другой причины, очень солидной, совершенно основательной, которая только на словахъ, для украшенія рѣчи, уступала первенство фантазіи, бывающей всегда болѣе удобною для реторическихъ упражненій, — а на дѣлѣ, очень прямо дѣйствовала на нервы, безъ всякаго посредства фантазіи. Парижскіе работники были республиканцы; большинство населенія департаментовъ были монархисты. Если была возможность думать, что для разрѣшенія вопроса о формѣ правленія будетъ добросовѣстно взято достаточное время, какое нужно, чтобъ или Парижу убѣдиться, что провинціалы не желаютъ республики, или провинціаламъ имѣть время обдумать, дѣйствительно ли они твердые монархисты, если бы добросовѣстно положено было ждать такого разрѣшенія вопроса, то дѣйствительно нечего было бы бояться никакихъ смутъ; или парижане разсудили бы: «точно, они монархисты, гдѣ жъ намъ совладѣть съ цѣлой Франціею? Надобно уступить, пусть будетъ опять король», или бы провинціалы сказали: «оно точно, мы было привыкли думать, что мы монархисты; а разсудивши, увидѣли, что это для насъ все равно, какая форма правленія нравится Парижу, та и наша, все равно, какъ и во всемъ мы полагаемся на вкусъ парижанъ, — и въ модахъ, и въ биржевыхъ дѣлахъ, и въ наукахъ». Въ томъ и въ другомъ случаѣ, дѣло рѣшалось бы мирно, добровольною и разсудительною уступкою той или другой стороны, смотря потому,

какая нашла бы себя слабою въ пунктѣ несогласія. Но такъ разсудительно дѣло бываетъ только въ книгахъ, а не въ жизни. Положеніе дѣла съ зимы 1848 года было таково: существовала республика; управляли ею монархисты; монархисты знали, что всякія новыя учрежденія упрочиваются привычною къ нимъ; и такъ, если ждать, пока можно будетъ разсудительно и мирно рѣшить вопросъ, то — кто же знаетъ? — тутъ, въ это время провинціалы привыкнутъ къ республиканскимъ учрежденіямъ, и тогда дѣло монархистовъ будетъ сдано въ архивъ. И такъ, надобно спѣшить, пока въ ихъ рукахъ администрація. Поэтому каждый день монархисты совѣщались о надобности низвергнуть поскорѣе республиканскія учрежденія,—пока они все еще удерживались отъ этого, потому что еще неполадили между собою, какими учрежденіями замѣнить ихъ: прежними легитимистами, или прежними орлеанистами, или смѣшеніемъ тѣхъ и другихъ, или чѣмъ нибудь новымъ, — у нихъ доставало разсудительности и добросовѣстности на то, чтобы не начинать дѣла прежде, чѣмъ они поладили между собою; и такъ, — но вѣдь они были люди,—хоть и разсудительные, а все же люди; хоть и добросовѣстные, а все же люди со страстями: поэтому безпрестанно они слегка порывались всѣ вмѣстѣ на дѣло, которое сами всѣ признавали преждевременнымъ; тотчасъ же замѣчали ошибку и отдергивали руку назадъ,— а нація и Парижъ все таки видѣли, что монархистовъ забираетъ желаніе хватиться за дѣло: нынѣ кто нибудь изъ нихъ произнесетъ рѣчь, что «чѣмъ скорѣе будетъ низвергнута республика, тѣмъ лучше», — а другіе не догадаются остеречься и аплодируютъ ему; завтра люди слышатъ, что ночью Шангарнье начиналъ было собирать войска для арестованія республиканцевъ, да тутъ же кстати и президента, и дѣлалъ это по приказанію монархистовъ; послѣ завтра какой-то дикарь встаетъ въ законодательномъ собраніи и предлагаетъ перенесть столицу изъ Парижа въ Буржъ, потому что, — такъ прямо и говоритъ, — въ Буржѣ монархисты; они насъ поддержатъ, а парижане гадки намъ. Конечно, изъ всего этого ничего не выходило, разсудительные тотчасъ заглушили опрометчивыхъ, или бросили свою ми-

нутную опрометчивость. Но кто же могъ поручиться, что завтра не будетъ исполнено ими того, отъ чего едва удержались они вчера? Они и сами не были увѣрены въ себѣ: «да, мы можемъ увлечься», думалъ почти всякій и говорили многіе изъ нихъ. А люди посторонніе партіями, — т. е., масса и образованнаго общества, не только простолюдиновъ и тѣмъ меньше могла быть увѣрена, что они не сдѣлаютъ преждевременной попытки; а преждевременная попытка возстановить королевскій санъ не могла обойтись безъ битвы съ Парижемъ и безъ рѣзни во многихъ другихъ городахъ. Каждый вечеръ французы засыпали съ мыслію: ну, что будетъ, если нынѣ ночью Шангарнье получилъ приказаніе арестовать республиканцевъ, прогнать президента и провозгласить королемъ кого нибудь изъ двухъ представителей двухъ бурбонскихъ линій? — Да, всякій знаетъ, что завтра же быть можетъ, легитимисты и орлеанисты начнутъ рѣзаться съ республиканцами въ Парижѣ и во всѣхъ большихъ городахъ, и если одолѣютъ ихъ, то начнутъ рѣзаться между собою во всѣхъ департаментахъ—сѣверъ и земли по Рейну, по Ронѣ и Сенѣ, по низовью Луары станутъ за одну династію, остальная Франція, особенно южная часть центра и Бретань за другую, а вездѣ противники большинства будутъ сильны, и повторится Вандейская война въ увеличенномъ размѣрѣ. Вотъ была истинная причина тревоги,— тоже отчасти преувеличенная, но солидная, дѣйствительная. О ней меньше толковали, чѣмъ о соціалистскомъ фантомѣ, потому что нечего было тутъ убѣждать и доказывать: всѣ сами видѣли, что этого слѣдуетъ бояться.—Исторія именно тѣмъ и величественна, и грустна, что сущность дѣла въ ней всегда проста и солидна, что никакими фантазіями и эфектами не измѣняется сущность дѣла, развивающаяся совершенно честно, только не такъ ровно и тихо, какъ пріятно бы желать, но напрасно желать. Исторія грустна именно тѣмъ, что низость, подлость, измѣна въ ней такой же безсильный миражъ, какъ и порывы великодушія, самопожертвованія: то и другое, одинаково только заставляютъ насъ презирать или уважать отдѣльныхъ дѣятелей, — но не Наполеонъ побѣдилъ Макка въ Ульмѣ, — будь Наполеонъ генераломъ австрійской служ-

бы, походъ кончился бы, все равно гибельнымъ для Австріи образомъ: Франція 1805 года не могла не побѣдить Австріи того года, — только потому и побѣдилъ Наполеонъ. Будь полководецъ французовъ менѣе даровитъ, чѣмъ Наполеонъ, будь онъ даже бездарнѣе самого Макка, побѣда французовъ была только бы не такъ эфектна, или не такъ быстра, — а условія мира были бы тѣ же самыя. «Странная вещь, — говорили римляне во время борьбы Цезаря съ Помпеемъ: — отчего это Лабеонъ всегда побѣждалъ, пока былъ на сторонѣ Цезаря, и всегда остается побѣжденъ, съ тѣхъ поръ какъ перешелъ на сторону Помпея». — очень просто, отвѣчали сами же они черезъ нѣсколько времени: на сторонѣ Цезаря были всѣ свѣжія силы, на сторонѣ Помпея одна только гибель. Безсиліе людей надъ ходомъ событій трагично; но исторія отнимаетъ и возможность унынія за будущее, если отнимаетъ грезы опрометчивыхъ надеждъ: чему быть, тому не миновать, говоритъ она, и изъ общаго хода событій послѣднихъ вѣковъ доказываетъ, что слѣдуетъ ждать все большихъ успѣховъ знанія и жизни.

(20) Формальная сущность прокламацій президента состояла въ томъ, что 1) цензъ уничтожается; 2) всѣ совершеннолѣтніе французы призываются посредствомъ правильнаго вотированія принять или отвергнуть президенство Луи-Наполеона и проэктъ новой конституціи, предлагаемый имъ.

(21) Надобно вспомнить также, что Кавеньякъ былъ главнымъ командиромъ, Ламорисьеръ главнымъ его помощникомъ въ страшномъ истребленіи парижскихъ простолюдиновъ въ іюнѣ 1848 года; другіе арестованные генералы — также почти всѣ были памятны парижскому простонародью по этому дѣлу; еще не забыто было прозвище les bourreaux de Cassagnac (?) — «Кавеньяковы палачи». — Токвиль, Брольи, Одилонъ Барро, Тьеръ и другіе — были памятны какъ распорядители, приказывавшіе тогда Кавеньяку истреблять инсургентовъ безпощадно и нѣсколько разъ отсылавшіе изъ тогдашняго (конститутивнаго) правительствующаго законодательнаго собранія депутаціи инсургентовъ, являвшіяся съ предложеніями положить оружіе; изъ 232 арестованныхъ

депутатовъ, развѣ человѣкъ 10 было такихъ, которые не говорили тогда Кавеньяку: «бей, бей, безъ пощады, безъ пощады»! — изъ остальныхъ 222, каждое имя, насколько было извѣстно народу, настолько было извѣстно ему по рѣчамъ въ этомъ тонѣ во время іюньской рѣзни. Дѣло не въ томъ, были ли преступны тогдашніе инсургенты, были ли правы большинство конститутивнаго собранія и генералы его, думая, что для спасенія націи необходимо безпощадное истребленіе іюньскихъ инсургентовъ,—они искренно думали тогда это, они дѣйствовали по совѣсти, какъ справедливый судья осуждаетъ на наказаніе шайку разбойниковъ; но дѣло не въ томъ: дѣло въ томъ, что истребленныя тысячи людей были парижскіе простолюдины — родственники, пріятели, товарищи по мастерской тѣмъ людямъ, которые теперь видѣли арестованіе Кавеньяка, его іюньскихъ помощниковъ и его іюньскихъ повелителей, приказывавшихъ ему не жалѣть картечи, — «дѣйствуйте картечью, генералъ, и штыками, всякое другое оружіе имѣетъ мало дѣйствія, палаши, пули, ядра, бомбы — пожалуйста, не тратьте времени на эти пустяки; ваша тактика должна быть: сгонять инсургентовъ въ густую массу, давать по ней нѣсколько залповъ картечи, потомъ двигать солдатъ въ штыки съ обѣихъ концовъ улицы, чтобы некуда было бѣжать, потомъ отводить солдатъ въ сторому, и пускать картечь въ догонку тѣмъ, которые успѣютъ увернуться отъ штыковъ»—вотъ были инструкціи, исполнявшіяся въ 1848 году въ іюнѣ Кавеньякомъ: инструкціи простыя, но достойныя великихъ полководцевъ, хотя составлялись статскими, а не военными людьми. Они думали тогда, что это необходимо. Такъ или нѣтъ, все равно. Но вотъ какъ отразилось это въ декабрѣ 1851 г. «Вы убійцы нашихъ родныхъ; какое намъ дѣло спасать васъ»?

(22) Викторъ Гюго былъ въ то время «красный» и пожалуй даже «соціалистъ», людей образованнаго общества, носившихъ такія прозванія, было довольно мало во Франціи. Но это обстоятельство не должно мѣшать видѣть, что онъ былъ отличнымъ представителемъ той манеры, по которой обыкновенно поступаетъ большинство людей: сущность

не въ томъ, на какомъ мѣстѣ воинствуетъ человѣкъ, а въ томъ, по какой стратегіи онъ воинствуетъ. До февраля 1848 г., Викторъ Гюго не зналъ, какой у него образъ мыслей въ политикѣ, ему не приходилось думать объ этомъ; а впрочемъ онъ былъ прекраснѣйшій человѣкъ и отличный семьянинъ, добрый, честный гражданинъ, и сочувствовалъ всему хорошему, въ томъ числѣ, славѣ Наполеона I и рыцарскому великодушію императора Александра I, доброму сердцу герцогини Орлеанской, матери наслѣдника тогдашняго короля Луи-Филиппа, и несчастіямъ благородной герцогини Беррійской, матери соперника этому королю и этому наслѣднику, сочувствовалъ прекрасному таланту Тьера, соперника Гизо, геніально простому краснорѣчію Гизо (едва ли не величайшаго изъ тогдашнихъ ораторовъ), честности Одилона Барро, противника Гизо и Тьера, генія и честности Араго знаменитаго астронома, главнаго представителя республиканцевъ въ тогдашней палатѣ, благородству Фурьеристовъ, добродушію Луи-Блана, великолѣпной діалектекѣ Прудона, любилъ монархическія учрежденія, и кромѣ того, все остальное хорошее, въ томъ числѣ и Спартанскую республику, и Вильгельма Телля,—образъ мыслей извѣстный и заслуживающій всякаго почтенія уже и по одному тому, что изъ сотни честныхъ, образованныхъ людей чуть ли не 99 человѣкъ во всѣхъ странахъ свѣта имѣютъ навѣрно такой образъ мыслей. Но вотъ пришло 24 февраля,— Франція въ опасности, раздѣлилась на два лагеря, каждый честный гражданинъ долженъ идти въ тотъ, или другой, смотря по своимъ убѣжденіямъ. Виктору Гюго вздумалось, что такъ какъ теперь во Франціи республика, то честнѣе всего быть ему республиканцемъ; но какимъ же? Республиканцы были тогда умѣренные и красные. Ему вздумалось, что умѣренные честнѣе красныхъ, онъ и сталъ умѣреннымъ. А красные боролись съ ними,—ему показалось, что они враги республики, онъ сталъ воинствовать противъ нихъ: чуть ли не ему принадлежитъ благородное выраженіе, имѣвшее тогда очень большой успѣхъ; «я знаю двѣ республиканскія кокарды: истинную, трехцвѣтную національную, и красную, беззаконную, что-то въ этомъ родѣ; такъ онъ и поражалъ красныхъ,

пока не побилъ до конца; тогда ему стало жаль ихъ, въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что они красные и беззаконники, а все же жалко: люди семейные, хорошіе мастеровые, многіе даже и по праздникамъ не бываютъ въ пьяномъ видѣ, онъ разсудилъ, что надобно вступиться за нихъ, и вступился, и вдругъ увидѣлъ, что самъ сталъ красный и соціалистъ,— искренно, видите ли, проникся чувствами своихъ кліэнтовъ; ну и сталъ безбоязненно, какъ слѣдуетъ благородному человѣку, высказывать свое новое имя «красный, соціалистъ» и пошелъ на баррикады, когда понадобилось. Такіе люди въ историческихъ дѣлахъ столь же благородны, сколько смѣшны, столь же благонамѣренны, сколько вредны всѣмъ безъ исключенія, и друзьямъ и врагамъ, но масса всегда такова. На Викторѣ Гюго эта черта выразилась очень эффектно, потому что онъ былъ очень горячій человѣкъ, но больше, или меньше, почти всѣ тогда поступали въ томъ же вкусѣ, разница была лишь въ томъ, какой лагерь кому казался лучшимъ, и какая партія въ лагерѣ кому когда казалась честнѣе, а духъ дѣйствій и основательность поступковъ были точно такія же. Эта манера идетъ чрезъ всю всемірную исторію отъ египетскихъ Ѳивъ и до нашего времени.

(23) Эти всѣ были уже дѣйствительно политическіе люди съ опредѣленнымъ образомъ мыслей, не то, что Викторъ Гюго, всѣ они принадлежали къ партіи, называвшейся тогда партіею «соціальной республики» и составившейся изъ соединенія остатковъ смѣлаго отдѣла бывшихъ умѣренныхъ республиканцевъ, примирившихся съ своими прежними врагами іюньской битвы, прежней партіи «красныхъ» и прежней партіи соціалистовъ. Шельхеръ извѣстенъ тѣмъ, что по его настоянію временное правительство 1848 года провозгласило (въ первое время послѣ февральской революціи) освобожденіе негровъ во французскихъ колоніяхъ; де-Флоттъ, по происхожденію аристократъ, былъ однимъ изъ лицъ, наиболѣе строго наказанныхъ правильнымъ судебнымъ порядкомъ во время процессовъ по іюньскому возмущенію; онъ былъ потомъ въ числѣ волонтеровъ Гарибальди, былъ, кажется, однимъ изъ его любимыхъ товарищей, и убитъ въ

Сицилійско-Неаполитанскомъ походѣ Гарибальди. Это былъ человѣкъ безтрепетнаго мужества. Другіе, пошедшіе съ нимъ 2 декабря въ Сентъ-Антуанское предмѣстье и присоединившіеся къ нимъ тамъ, перечисляемые Кинглекомъ съ слѣдующихъ строкахъ, также были всѣ люди, дѣйствительно простого и твердаго мужества, безъ фанфаронства, которымъ страдали люди въ родѣ Виктора Гюго, Ламартина и тому подобныхъ героевъ, хоть и честныхъ людей.

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
Ц. И

Типографія «Общаго Дѣла» въ Женевѣ.